

Пищевлок

Автор:

Алексей Иванов

Пищевлок

Алексей Викторович Иванов

Новый Алексей Иванов

«Жаркое лето 1980 года. Столицу сотрясает Олимпиада, а в небольшом пионерском лагере на берегу Волги всё тихо и спокойно. Пионеры маршируют на линейках, играют в футбол и по ночам рассказывают страшные истории; молодые вожатые влюбляются друг в друга; речной трамвайчик привозит бидоны с молоком, и у пищеблока вертятся деревенские собаки. Но жизнь пионерлагеря, на первый взгляд безмятежная, имеет свою тайную и тёмную сторону. Среди пионеров прячутся вампиры. Их воля и определяет то, что происходит у всех на виду.

“Пищевлок” – простая и весёлая история о сложных и серьёзных вещах. Есть дети как дети – с играми, ссорами, фантазиями и бестолковостью. Есть пионерство, уже никому не нужное и формальное. А есть вампиры, которым надо жить среди людей, но по своим вампирским правилам. Как вампирская мистика внедряется в мёртвые советские ритуалы и переделывает живое и естественное детское поведение? Как любовь и дружба противостоят выморочным законам идеологии и вампиризма? Словом, чей горн трубит для горниста и под чей барабан шагает барабанщик?»

Алексей Иванов

Алексей Викторович Иванов

Пищевлок

© Иванов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Песня горна

Песней горна начинается рассвет,
Это голос пионерских звонких лет.

М. Садовский, «Песня горна». 1972 г.

– Они были сигнальщиками. Мальчик бил в барабан, а девочка трубила в горн. Они вместе встречали каждый рассвет и провожали каждый закат. Но люди не слышали песни горна и грома барабана, не замечали, как ветер треплет пионерские галстуки сигнальщиков, не видели, как на солнце сияют глаза пионеров. Всем казалось, что девочка с горном и мальчик с барабаном сделаны из гипса. А они были живые и очень любили друг друга.

Молодой вожатый с модными усиками оглядел мальчишек в палате. Мальчишки не спали – тараторжили, ожидая самого страшного. Все знали, о ком идёт речь. Гипсовая девочка с горном стояла на невысоком постаменте у ворот пионерлагеря, а гипсового мальчика с барабаном не было вообще, и в асфальте темнел квадрат земли на месте исчезнувшей каменной тумбы.

– Однажды ночью, – приглушив голос, продолжал вожатый, – какие-то пионеры из нашего лагеря сбежали от вожатых, взяли камни и разбили барабанщика на куски. Утреннее солнце осветило кучу обломков. Пришли рабочие, собрали обломки и увезли на свалку. И никто не увидел, как плачет девочка с горном. Она теперь навсегда осталась одна, без своего любимого.

Мальчишки на койках пристыженно молчали. Понятно, почему: каждый из них не раз прикидывал, как расколотить гипсовую горнистку. Не со злости, конечно, а так, из праздного озорства.

– Но девочка не простила гибели мальчика. Она решила отомстить. И теперь по ночам она спрыгивает с постамента и ходит по лагерю, разыскивая тех, кто разрушил барабанщика. И если встретит в лагере кого-нибудь после отбоя, то без всякой жалости задушит каменными руками.

Пацаны лежали, изнемогая от невыносимого ужаса.

– Ну, всё, спокойной ночи, – сказал вожатый с усиками.

Он закрыл за собой дверь палаты и прошёл в свою комнату. Там его ждал напарник – слегка полноватый и кудрявый.

– Напугал их до полусмерти, – усмехаясь, сообщил вожатый с усиками. – Сочинил страшилку, что ночью гипсовая горнистка у ворот оживает, бродит по лагерю и всех душит. Мстит за барабанщика, которого раскокали.

Но кудрявый вожатый не одобрил затею усатого:

– Воспитывать страхом непедагогично.

– Зато результативно. Не будут ночью убегать из палат.

– Сомневаюсь, – возразил кудрявый. – Скорее, как-нибудь днём они разнесут горнистку вдребезги, чтобы на психику не действовала.

Усатый искренне озадачился.

– О таком повороте я не подумал, – признался он.

Кудрявый печально вздохнул.

А мальчишки в палате уже уснули, натянув на головы простыни. Не спал только мальчик на кровати, задвинутой в самый угол. Он молча смотрел в окно, словно чего-то ждал. Потом выпростал руку и взял с тумбочки очки. Потом сел. Потом встал и принялся одеваться, стараясь не шуметь. Потом направился к окну, с усилием отодрал шпингалет, осторожно распахнул створку, влез на подоконник и выпрыгнул наружу.

Мальчик шёл по ночному лагерю, прячась за густыми кустами акации. Длинную безлюдную аллею ярко освещали фонари. Едва слышно шептала листва. Где-то вдали выла собака. Было тепло, однако мальчика то и дело пробирал озноб. Мальчик очень боялся, но, поправив очки, твёрдо решил узнать: остаётся ли гипсовая горнистка по ночам на своём постаменте?

На аллее мелькнула какая-то неясная фигура, и мальчик застыл. Ртутный свет фонарей слепил, выжигая все тени, и не позволял разглядеть, кто там идёт по аллее. Идёт медленно. Как-то неуверенно, словно не привык ходить. Так ковыляют лежащие больные, когда им наконец-то позволяют подняться с постели и сделать несколько шагов. Но таких больных всегда кто-нибудь поддерживает, а человек на аллее был один. Если это вообще был человек.

По аллее шла девочка примерно того же возраста, что и мальчик, который укрывался за акацией. При каждом движении эта девочка странно подрагивала всем телом, будто в ней что-то ломалось. Белая блузка. Белая юбка. Белый пионерский галстук. Белые руки и ноги, белое безглазое лицо, белые каменные косы. Это была гипсовая горнистка. Она казалась роботом, но роботов включало электричество, а горнистку оживила тьма. Горнистка искала тех, кто убил её барабанщика. Искала, чтобы тоже убить.

Мальчик за кустами попятился, повернулся и помчался прочь.

Если тьма сильнее тебя, не покидай свой дом, пока не прозвенит песня горна.

Часть первая

След вампира

Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.

М. Голодный, «Песня о Щорсе». 1935 г.

Глава 1

Макароны и барабаны

Олимпийские кольца укрывались даже в упругой округлости букв:

«Олимпиада-80!»

Белые полосы транспарантов были натянуты вдоль ограждения верхней палубы речного трамвайчика и по правому борту, и по левому. Правда, судёнышко шло не по Москве-реке на фоне обновлённого и величественного стадиона в Лужниках, а по Волге, и фоном были Жигулёвские горы, древние, покатые и покрытые кучерявым лесом. И вёз трамвайчик не широкоплечих атлетов-олимпийцев, а рогожные мешки с гречкой и сахаром, картонные коробки с макаронами и сухофруктами, алюминиевые бидоны с молоком – в общем, продукты для пищеблока пионерского лагеря «Буревестник». Но вымпел на мачте кораблика развевался по-олимпийски яростно.

Иван Палыч Капустин, капитан, сидел за штурвалом, больше похожим на автомобильный руль. Поверх речной тельняшки с синими полосами Иван Палыч надел чёрный китель, уже изрядно заношенный, а на голову водрузил фуражку с крабом и золотым рантом. Управлять речным трамвайчиком было не сложнее, чем автомобилем, но капитаны – везде капитаны. В любом из них было что-то властное, и потому Игорь Корзухин ощущал себя стеснённо, как школьник на экскурсии, хотя знал Иван Палыча с детства. Иван Палыч дружил с отцом Игоря, тоже капитаном, только Александр Егорыч Корзухин командовал не галошей, то есть теплоходиком типа «Москвич», а сухогрузом типа «Волго-Дон» – огромным, почти как авианосец. Игорь сидел в рубке на месте моториста, и Капустин

искоса поглядывал, чтобы пассажир не взялся за рычаг, которым переводят двигатель с обычного хода на обратный, – можно запороть машину. Перед Игорем на панели темнели циферблаты: число оборотов, давление масла, температура воды охлаждения. Игорь знал, как управляют судном, и, конечно, не стал бы дёргать за рукоять: дурак он, что ли? Но Иван Палыч не доверял этому сопляку. Слишком много в юнце было выпендрёжа: и джинсы, и самодельный значок с гитаристом, и патлы.

– Чего не постригся-то перед сменой? – недовольно спросил Капустин.

– Я постригся, – ответил Игорь.

Капустин, разумеется, не понимал: когда волосы закрывают уши – это и есть самый модный причесон. Ещё Игорь отпустил усики, которые, впрочем, получились по-юношески реденькими. Ну и ладно. Летом надо успеть похипповать, ведь осенью в универе начнётся военная кафедра, где всех заставят обтесать башку машинкой под общий скучный полубокс.

Минувшей весной Игорь окончил второй курс филфака университета. После сессии студенты-филологи отправлялись на фольклорную практику по деревням Поволжья: расспрашивали старушек про забытые обряды, записывали народные песни, местные былички и диалектные слова. На филфаке по большей части учились девушки, и поездки в глубинку всегда были наполнены любовным томлением. Шаткая ограда морали качалась под напором чувств, удерживаемая лишь воспитанием и естественной робостью. С робостью Игорь справился, а воспитание надеялся преодолеть, но в июне, к величайшей своей досаде, подхватил на Волге простуду, и в экспедицию его не взяли. Фольклорную практику деканат заменил ему педагогической: надо было отмотать одну смену вожатым в пионерлагере. Что ж, и это неплохо. Вожатыми работали студенты пединститута, точнее, студентки, потому что в педе, как и на филфаке универа, девушки тоже были в большинстве. Игорь полагал, что студентки-педагогини ничем не хуже универовских филологинь, а может, и лучше, если после практики не захочется продолжать отношения.

Широкая река на ярком солнце сверкала перед носом трамвайчика, и вдали рассыпчатый блеск сливался в сплошное ослепительное полыхание. Двигатель трамвайчика глухо клокотал где-то в недрах под рулевой рубкой. Окна рубки смотрели на все четыре стороны. Возле низкого левого берега Игорь увидел растопыренную, как железный паук, землечерпалку. Её труба, лежащая на

решётчатой стреле, сплошным потоком извергала жидкую пульпу в разверстый трюм пришвартованной самоходной баржи.

– Олимпиаду в лагере-то не пропустишь? – спросил Капустин.

Олимпиада начиналась через неделю. Все ждали её открытия с каким-то непонятым предчувствием праздника – так ждут Новый год, надеясь, что всё плохое само собой отвалится и останется в прошлом. Но что особенного мог получить от Олимпиады закрытый город Куйбышев, куда иностранцев не пускали? «Фанту» и колбасу в гастрономах? Кроссовки в «Спорттоварах»? Фиг. Для СССР, исключая Москву, выгоды Олимпиады ограничивались кофтами-олимпийками и красивыми олимпийскими рублями. Игорь не испытывал ни пиетета перед всемирным ристалищем, ни какого-то нервного оживления от неких грядущих благодеяний: вообще-то их никто никому и не обещал. Однако Игорь не сказал Иван Палычу о своём скепсисе.

– Телика, наверное, в лагере нет, – дипломатично ответил он.

– Телик в корпусе, где радиокомната, – возразил Капустин.

– Откуда вы знаете? – удивился Игорь.

– Знаю, – уклончиво сказал Иван Палыч.

Игорь, сообразив, умолк. Димон Малосолов, матрос этого трамвайчика, уже растрепал, что у Палыча в пионерлагере «Буревестник» образовалась любовница – заведующая пищеблоком. Трамвайчик ходил в лагерь чуть ли не через день и часто оставался на ночь у причала, а Палыч из капитанской рубки перемещался в койку возлюбленной. Игорь позавидовал капитану: такой старый, полтинник уже, и всё ещё ходок. А у него, Игоря, у молодого и резвого, нет подруги даже после второго курса.

Кстати, Димон Малосолов тоже сумел завести себе в лагере девчонку – одну из вожаток. Пока Палыч дрых в койке своей заведующей, Малосолов романтически прогуливался по берегу Волги с вожаткой, но добился только потискать её. В конце концов Димону это надоело, и он решил поменять подругу на более сговорчивую. Его ничуть не смущало, что отвергнутая избранница всё увидит и поймёт, и ей будет больно. Игорь завидовал столь непоколебимому эгоизму

Димона. С таким эгоизмом жизнь – легкотня.

Сейчас на трамвайчике в лагерь ехали три студентки; накинув на плечи стройотрядовские куртки, девушки сидели на передней палубе среди мешков, коробок и бидонов. Игорь рассматривал палубу сквозь большие окна ходовой рубки. Коварный Димон дождался, когда одна из студенток подойдёт к ограждению, и подрулил к ней вроде как покурить. Вожатка была самой невзрачной из трёх – пухленькая, в очках, с русым хвостом. Типичная филологиня. А Димону того и надо было: с такой проще достичь цели.

Игорь в рубке не слышал, что там на палубе говорит Димон, однако прекрасно помнил все его уловки. Димон спросит, как бы предлагая помочь: «Девушка, вашей маме зять не нужен?» – и девчонка растает. С девчонками всегда так случается. А у Игоря краснели уши от банальности димоновских подкатов. Игорь так не мог. Ему требовалось, чтобы девчонка сама сперва заинтересовалась им. Потому, кстати, он и забрался в рубку к Иван Палычу. Вожатки в пионерлагере должны удивиться: что это за парень такой к ним приплыл – торчал всю дорогу рядом с капитаном?

Игорь был в курсе всех обстоятельств жизни Димона. Они дружили в школе с первого класса. После восьмого Игорь остался в девятом, а Димон поступил в ПТУ на рулевого-моториста. Нынешним летом их дружба возродилась: оба они поневоле болтались в Куйбышеве. Игорь околачивался дома, не взятый в фольклорную экспедицию, и курил во дворе, чтобы не ругала мама, а Димон по вечерам пил пиво на лавке у подъезда. Навигация у Димона была скучной: трамвайчик-то, в отличие от больших судов, не ходил в длинные рейсы до Москвы, Ленинграда или Астрахани. Димон жаловался Игорю на то, как батрачит у Капустина: смазывает движок и драит палубы, а на стоянках наматывает причальные концы на кнехты и дежурит вахтенным у трапа. К штурвалу Капустин Димона не подпускал. И правильно делал.

Иван Палыч направил судёнышко к левому берегу мимо белого бакена, обозначающего отмель, и трамвайчик сошёл с фарватера. А по фарватеру мимо медленно пронёсся белоснежный «Метеор» на подводных крыльях. Он был весь устремлён вперёд, словно застыл в бесконечном прыжке: неземной, фантастический, поднятый над волнами силой антигравитации. Даже в рубке Игорь слышал авиационный рёв его турбин. Так звучала настоящая жизнь, в которой были небоскрёбы, трансатлантические лайнеры, могучие и почти разумные ЭВМ, орбитальные «шаттлы» и поиск внеземных цивилизаций, а не

пионерлагерь «Буревестник» с его макаронами и барабанами.

На берегу показалась небольшая деревня в полтора десятка домиков, крытых железом или шифером: крашенные заборы из тонких планок, огороды, телеграфные столбы с перекладинами; на лёгком ветерке с Волги шевелились кроны лип и яблонь. Деревня, видно, считалась такой незначительной, что к ней не подтаскивали ни брандвахту, ни хотя бы понтонный причал.

– Первомайская, – пояснил Игорю Капустин. – Одни старики живут. Кто может – в лагере работает. Сторожами там, плотниками, судомойками.

– А зимой? – спросил Игорь.

Зимой-то пионеры сюда не приезжают.

– Зимой здесь профилакторий и лыжная база ДОСААФ.

За деревней в Волгу впадала речка, заросшая по берегам вербами.

– Называется Рейка, – сказал Капустин.

– Ну и название! – удивился Игорь.

– Раньше была Архиерейка. Лагерь-то – бывшие Самарские дачи. Купцы жили всякие, знать. У какого-то архиерея тоже была дача.

Игорь наконец разглядел эти бывшие дачи – нынешний пионерлагерь. Под высокими корабельными соснами вдоль берега Волги стояли сказочные пряничные теремки – причудливые, как ёлочные игрушки, лубочно весёлые, все в кудрявой резьбе, с фигурными крылечками, с какими-то мансардами и балкончиками, с застеклёнными верандами, с разноцветными фронтонами, с башенками, с кровлями шатром, лодочкой или палаткой. Не дачный посёлок, а выводок резвых деревянных петушков с гребешками и пёстрым опереньем. Впрочем, в толпу нарядных домиков затесались и не очень нарядные – щитовые бараки и белокирпичные коробки. От Волги посёлок отделялся забором из сетки-рабицы: понятно – чтобы пионеры не бегали купаться.

– Обычной дороги сюда разве нет? – спросил Игорь.

– Есть грунтовка, но её подпор то и дело топит.

Иван Палыч имел в виду подпор Саратовского водохранилища. Весной и тогда, когда ГЭС в Балаково сокращала сброс, уровень водохранилища поднимался, и пойменные озёра-старицы ниже Куйбышева разливались, перекрывая просёлочные дороги на низменном левом берегу. В навигацию надёжнее было снабжать лагерь речным транспортом.

– Вон уже ждут нас, – сказал Капустин, и ревун трамвайчика квакнул.

Для пионерлагеря был сооружён причал – дощатый помост, вынесенный далеко в воду. Он покоился на железных трубах-опорах, вбитых в дно, как сваи. По краям этот помост был обвешан автомобильными покрышками. Асфальтовая дорожка вела к воротам, возле которых на тумбе возвышалась гипсовая девочка-пионерка, трубящая в горн. На причале возле телеги с колёсами от легковушки стояли несколько мужиков. Похоже, они готовились разгружать припасы, привезённые на трамвайчике.

Игорь сощурился, рассматривая встречающих, но никаких девчонок-вожатых на берегу не увидел. Жалко, блин! Никто и не узнает, что он плыл в рубке с капитаном!

Глава 2

Новенький в строю

Пухленькая вожатка ступила на трап с некоторой робостью, и Димон Малосолов, стоящий на причале, галантно поддержал её под локоть, а потом мягко подтянул к себе якобы для важного и приватного разговора.

– Слышь, Иришка, у меня тут дружбека к вам в лагерь поработать прислали, а он-то не из ваших, – понизив голос, сказал Димон с приятельской откровенностью. – Прошу, ты устрой его как следует, лады?

Игорь поморщился от досады: весь рейс он с понтом провёл в компании капитана, однако протекцию ему составляет матрос.

– А мне в столовке чё-нито вкусненькое возьми, – добавил Димон.

Экипаж трамвайчика обычно обедал в лагере.

Пухленькая вожатка чуть покраснела от удовольствия.

– Ну, если будет, – с деланой неохотой согласилась она.

– Игорёха, забери сумку Иришкину! – по-свойски распорядился Димон. – Мне щас разную байду ещё в телегу скидать надо!

Игорь не мог отказать: невежливо отказывать, нехорошо.

Вожатки поздоровались с мужиками у телеги – явно это были алкаши из деревни, подшабашивающие в лагере разнорабочими, – и пошли к воротам с гипсовой горнистой. Игорь потащился за ними, разглядывая самодельные трафаретные рисунки на целинках, стройотрядовских куртках студенток: ёлки, костры и палатки, а сверху по дуге – название отряда: «Романтики». Наверное, БАМ. Хотя возможны и КАМАЗ, и Атоммаш, и Саяно-Шушенская ГЭС, и даже просто работа проводником в поезде дальнего следования. На одном плече у Игоря висел рюкзак, а в руке он сжимал сумку Ирины.

Лагерь удивил Игоря. Точнее, не лагерь, а дореволюционный дачный посёлок – живописная свободная россыпь маленьких деревянных дворцов. Игорь вспомнил экскурсии по старой части Куйбышева: среди купеческих пассажей с витринами и кирпичных особняков с рядами арочных окон попадались декоративные деревянные домики псевдорусского облика. Это было какое-то завихрение модерна, его называли «ропетовский стиль». Игорь и не знал, что в тридцати километрах от города существует целое гнездовье этих кукольных жар-птичек. Можно сказать, ансамбль. Правда, его единство было безбожно нарушено казёнными новоделами, и гармонию напополам рассекла заасфальтированная аллея с пионерскими стендами и газосветными фонарями. Но корабельные сосны хранили дух праотеческого узорочья.

Пухленькая вожатка остановилась и указала Игорю на один из теремов.

– Тебе в тот корпус. Оттуда Володя Киселёв уехал, а ты на его место принят. Положи вещи в вожатскую комнату и приходи в столовую.

– Меня Игорь зовут, – передавая сумку, сказал Игорь.

– А меня Ирина Михайловна, и никак иначе.

Игорь понял, что эта девица желает получить все удовольствия сполна: приятно, когда один парень клеится, а другого можно отшить.

В корпусе было светло и пусто. Пахло свежей олифой и досками. Сверху доносился невнятный шум радиоприёмника. По скрипучей лестнице Игорь поднялся на второй этаж, где располагалась комната вожатых. В каморке со скошенным потолком стояли две кровати, две тумбочки, письменный стол и шкаф. Кудрявый полноватый парень, нацеливая в окно телескопическую антенну транзистора, искал какую-нибудь подходящую станцию.

– Привет, – сказал Игорь, сваливая рюкзак на пол. – Я новый вожатый.

– Вот эту койку занимай, – парень указал антенной.

Игорь переложил рюкзак на койку и протянул кудрявому руку:

– Игорь.

– Александр, – солидно ответил кудрявый.

– Филолог? – спросил Игорь. – Физик? Историк?

– Иностранные языки, англиш.

Игорь порадовался, что сосед – не с факультета физической культуры. На физкультуру поступали в основном спортсмены, отслужившие в армии. И до армии-то они были не отягощены мозгами, а срочная только укореняла их в

дуболомстве, и рабфак уже ничего не мог исправить. Эти парни чаще всего оказывались неплохими людьми, но в школу, в спортивные секции и в пионерские лагеря они тащили удобную для работы дедовщину и кондовую сержантскую мудрость: «я начальник – ты дурак»; «кто сильнее – тот герой»; «полковник сказал, что муха – вертолёт, значит, вертолёт».

– «Битлов» на русский перевести сможешь? – спросил Игорь у Саши.

– Знаешь, я всего такого не одобряю, – Саша кивнул на самодельный значок с фоткой Пола Маккартни. – У нас же советский лагерь.

– Понял, – сухо сказал Игорь.

Но Саша против воли покосился и на джинсы Игоря.

– А что у тебя за фирма?

Видимо, Сашины принципы распространялись не на все сферы жизни.

– «Монтана».

Увы, увы, «монтана» у Игоря была палёная, дерибасовская, на какую уж денег хватило. Однако следует надеяться, что никто не раскусит подделку.

Сашу явно удручил престижный лейбл.

– Сразу скажу, – выключая приёмник, заявил он, – что не планирую приводить сюда девчонок. Я комнату уступать не буду.

– Найду, где уединиться, – хмыкнул Игорь.

Он вовсе не был ловеласом, но пусть этот Саша не корчит командира.

– Пойдём на обед. У нас тут не хиппи, всё по расписанию.

Одноэтажное и безликое здание пищеблока, сложенное из силикатного кирпича, выглядело как прачечная; впрочем, в прачечных окна заделывали толстыми плитками бутылочно-зелёного стекла, а пищеблок имел обычные окна с деревянными рамами. Снаружи оконные проёмы были перекрыты решётками. Рисунок их прутьев напоминал восходящее солнце с лучами – как на гербе СССР. Над кровлей кухни торчали две чёрные железные трубы. Из форточки, подвывая, вентилятор выбрасывал струю горячего котлетного запаха. У задней двери громоздились ящики из-под овощей и мятые баки с объедками. Широкий главный вход поверху был гостеприимно украшен выцветшим транспарантом «Приятного аппетита!».

Через просторный зал тянулись ряды столов. В простенках меж окон висели поучающие плакаты: розовощёкий пионер в пилотке чистил ножом картошку; пионерка с косичками, улыбаясь, мыла мочалкой блюдо; мальчик и девочка с красными галстуками, расставив руки, вдвоём тащили тяжёлое ведро. Так полагалось поступать сознательным детям.

Сейчас в столовке находились только работники лагеря, которых в смену обычно никто не замечал: несколько мужиков и тёток – какие-нибудь плотники, сторожа и уборщицы; молодой доктор и пожилая медсестра – оба в белых халатах; толстый дядька бухгалтерского вида; парень в синем комбинезоне – несомненно, радиотехник. Впрочем, имелись и вожатые. Димон Малосолов пристроился к пухлой Ирине. Рядом с капитаном Капустиным на скамейку села женщина в химических кудрях – видимо, любовница-заведующая. Игорь услышал, как она негромко говорит Капустину, хлебавшему суп:

– Картошку можешь себе оставить, только перебери – она здесь уже гнилая, и просуши. Рис подели пополам: три кило тебе, три – мне. А сахар вообще не трожь, я себе заберу, буду в августе варенье делать.

На раздаче Игорь взял борщ, перловую кашу и стакан с компотом, а затем вернулся на место рядом с Сашей. Обедать одному было неловко.

– Киселёв работал на четвёртом отряде, и тебя туда назначат, – сказал Саша. – А я на третьем. Весь день в третьем корпусе, а живу в четвёртом.

– Почему? – удивился Игорь.

– Не будут же селить парней с девушками. Это разврат.

«Моралист выискался», – подумал Игорь.

– А кто у меня второй вожатый?

– Это ты второй вожатый, – с превосходством поправил Саша. – А первый вожатый у тебя Иринка Копылова.

– Она? – Игорь кивнул на пухлую подругу Димона.

– Она. И ключ от комнаты я тебе пока не выдам.

– Почему? – возмутился Игорь.

– Сначала отнеси свои документы Наталье Борисовне. И справку врачу покажи. В прошлую смену во втором отряде был педикулёз.

– Думаешь, я вшивый?

Саша невозмутимо пожал плечами: почему бы и нет?

Игорь подумал и решил не спорить. Оно ему надо? Его цель – отмотать положенную практику, а не переделывать этот мир к лучшему. В казённой жизни всё похоже на медкомиссию в военкомате: превратись в косоглазого и плоскостопого идиота, и тогда тебя признают негодным к строевой.

Глава 3

Как везде

После обеда всех вожатых собрали в Дружинном доме. Собрание вела та самая Наталья Борисовна, которой Игорь должен был сдать направление на практику, – старшая пионервожатая. Фамилия у неё была Свистунова.

Игорь осторожно разглядывал Знамённую комнату, полыхавшую на солнце блеском медных горнов и барабанов с металлическими ободками; в шкафах без дверок среди рулонов стенгазет и растрёпанных журнальных кип сияли никелированные спортивные кубки; стены пламенели развешанными шёлковыми вымпелами. Свёрнутое знамя дружины, помещённое в особую стойку, от затаённого царственного величия казалось неподъёмно тяжёлым, словно ствол артиллерийского орудия.

Вожатых, считая с Игорем и Сашей, было двенадцать человек: четверо парней и восемь девушек. Двух других парней звали Кирилл и Максим, но казалось, что они тёзки, потому что явились в одинаковых олимпийках и трениках. А девушки, почти все, надели целинки, пестревшие шевронами, лычками и эмблемами – нашивки теснились так плотно, что куртку можно было читать как газету. Стройотрядовская фанаберия создавала ощущение бурной личной жизни у девиц, хотя их романтика, скорее всего, воплощалась в работе поварами для какой-нибудь бригады стропальщиков где-нибудь на строительстве гидростанции. Однако Игорь всё равно заревновал. Сколько ни ехидничай, а стройотряд – не филологические посиделки с бабуськами.

Ещё на собрании присутствовал главный физрук – молодой высокий мужик с недовольно-скучающим лицом. Он сидел в углу, широко разведя колени, и подёргивал ляжкой, будто куда-то торопился, а его принудили торчать здесь. Сама же Свистунова, фигуристая бабёнка с зычным голосом, в пионерском галстуке выглядела эдакой боевой малышкой.

– Чего такие квёлые? – задорно спросила она вожатых и откинула с глаз крашеную чёлку. – Ну-ка подтянись! Поднять хвост пистолетом!

– Да мы же всегда готовы! – привычной, видимо, шуткой ответили ей девушки-вожатые и принуждённо засмеялись.

– У нас новый сотрудник. Игорь Корзухин. Откуда ты, Игорь?

– Филфак универа, – сказал Игорь.

– Ну и хорошо. Вливайся в коллектив, Игорёк.

– Сейчас вольюсь, – пообещал Игорь.

Ему не нравилось, когда его называют Игорьком, но девушки-вожатки повернулись к нему с дружелюбным интересом, и он не рассердился.

– Иришка, тебе маячок: взять шефство над новеньким.

– Пусть хоть одевается прилично, – вздохнула Ирина.

Вожатки посмотрели на Пола Маккартни у Игоря на значке.

– Ты на гитаре умеешь? – спросила одна из вожаток.

– Умею, но вам лучше этого не слышать, – честно предупредил Игорь.

Девушки рассмеялись уже свободнее.

– Наш человек, – подвела итог Свистунова. – Итак, к делу!

Широким жестом она расстелила на столе большой ватман с таблицей, заполненной разноцветными фломастерами, – подобным образом полководец расстилает перед генералами карту намеченного сражения.

– План-сетка прежняя, бойцы. Распределим мероприятия. Помнится, Ленчик, в прошлую смену ты не хотела у старших отрядов строевой смотр проводить. Но ведь справилась?

– Справилась, – кивнула кудрявая и глазастая Леночка.

– Вот, зря боялась, – удовлетворённо сказала Свистунова, помечая на ватмане ручкой. – Как говорится, только юбочка помялась... Веруня, а у тебя конкурс рисунков на асфальте и поделки из природного материала, так?

– Так. Только мел и пластилин никому не давайте, в тот раз не хватило.

– Едите вы их, что ли? – удивилась Свистунова. – Ладно, учту. А кто у нас за День Варенья отвечать желает?

– Может, не надо его? – усомнилась толстененькая вожатка с косой. – Здесь даже манник нормальный не испечь. Да и поварихи на кухне ворчат.

– Зато девчонок за уши не оттащить, – возразила Свистунова. – Поставлю на вид заведующей пищеблоком, пусть даст своим бабам втык.

– А я ещё шахматы возьму, у меня же разряд, – солидно сообщил Саша, сосед Игоря по комнате. – В конце смены турнир организую.

– Турнир – хорошо, как раз то, что доктор прописал, – согласилась старшая вожатая. – Ты у нас вундеркинд какой-то, Саша.

Саша снисходительно хмыкнул. Вожатки глядели на него заискивающе.

– За тобой, Вероничка, получается фестиваль пионерской песни.

– А фонограмму прислали? – спросила Вероничка.

Игорь подумал, что этой девушке не идёт уменьшительно-ласкательное имя. Девушка держалась надменно и потому казалась более сложной, чем все остальные. Целинку она не носила, и причёска у неё была не как у прочих вожаток: не хвост или коса, а короткая и даже дерзкая стрижка под мальчика. В ушах Вероники сверкали золотые серёжки, не сочетающиеся с пионерией. На филфаке Игорь уже встречал таких девушек. Они курили, сторонились однокурсниц, не обедали в столовке и читали поэтов Серебряного века.

– Фонограмму пришлют, – ответила Наталья Борисовна чуть жёстче, чем прежде. – Только знаешь, красавица, если выбираешь песню про любовь – то про любовь к родине. Лирику оставляем дома.

Вероника не ответила и лишь улыбнулась свысока.

– Я проведу чемпионат по пионерболу, – сказал вожатый Максим.

– Добро, – согласилась Свистунова. – А кто на ШКИД?

ШКИД – это Школа Интернациональной Дружбы. Попросту говоря, это когда пишут письма в «Артек» или «Орлёнок» пионерам из соцстран.

– Иринка и Галка, ШКИД – вам. Только мальчишек надо побольше.

– Им лень писаниной заниматься, – возразила чернявая Галка.

– Что значит лень? Надо – и всё! Не хотят старшие – возьмите младших. Но учтите, что я прочитаю. Пусть не выпрашивают у иностранцев жвачки и наклейки. У нас областной конкурс на лучшее письмо.

– Это понятно, Наталья Борисовна.

Свистунова рассматривала план-сетку и покусывала ручку.

Игорю стало неуютно. Он неплохо помнил свои собственные школьные годы, не такие уж и далёкие, и тайно надеялся, что взрослая жизнь отодвинет эту показуху и казёнщину в сторону. А нетушки. Здесь, в пионерлагере «Буревестник», багряная рука взяла его за горло так же крепко, как и прежде.

– Ну что? – изучив ячейки плана, Свистунова подняла требовательный взгляд на вожатых. – Есть ещё идеи? Чего приуныли, бойцы? Кого-нибудь осенит вспышка разума? – вожатые молчали. – Нет? Тогда всё!

– Эй, стопэ, Наталья! – вдруг забеспокоился физрук, подтягивая ноги. – Как-то я не услышал, чтобы «Зарницу» вычеркнули!

Игоря удивила фамильярная манера физрука. Она не вязалась со стилем совещания у старшей пионервожатой. А Свистунову это даже не покорило.

– Вычеркнули, Руслан, вычеркнули, – покладисто ответила она.

– А почему? – огорчилась одна из вожаток.

– Здорово же по лесу побегать! – поддержала её другая вожатка.

– Мечтать не вредно! – усмехнулась Свистунова.

– Вам побегать, а мне потом дэбилов искать! – презрительно фыркнул физрук с таким видом, будто ему приходится всё за всеми исправлять, и без его нечеловеческих усилий работа развалится, а он уже устал.

– На «Зарнице» драки! – пояснила Свистунова. – Старшие младших бьют. Так что обойдёмся без «Зарницы». И без Праздника Нептуна.

– А почему без Нептуна?!

Праздник Нептуна в пионерлагерях всегда все любили – и взрослые, и дети: можно поорать, потолкаться, силком искупать кого-нибудь.

– Агрессию лучше в спорте проявлять!

По удовлетворению физрука Игорь понял, что на Празднике Нептуна физруку тоже приходится усмирять «дэбилов», а он, как известно, уже устал.

– Обратите внимание, что День Самоуправления тоже вычеркнут, – оповестила Свистунова. – От него только бардальево в лагере.

Физрук авторитетно кивнул, и девчонки-вожатые больше не возражали.

Игоря осенило: физрук был мужиком старшей пионервожатой! Потому она и выполняла его пожелания! Игорь наклонился к соседке Леночке:

– Они женаты, что ли?

– В гражданском браке, – с благоговением прошептала Леночка.

Выражаясь в духе кудрявого Саши, незаконно сожительствуют.

Игорь распрямился, испытывая облегчение. Поначалу он ощутил себя здесь чужаком: никого не знает, сидит такой модный, как болван, а девчонки-вожатки под водительством решительной комиссарши Свистуновой борются за интернациональную дружбу, мир во всём мире и прочие правильные вещи. Однако фигурки. Тут как везде. Флаги – флагами и серпы – молотами, но даже в пионерлагере людям хочется жить попроще, полегче и получше.

Глава 4

Пионерская аллея

Валерка не стал давиться в толпе пацанов, сбившейся у выхода на трап. Куда рваться-то? Зачем? Только ручку у чемодана оторвут. Над палубой и рубкой трамвайчика, что прижался бортом к причалу, с криками носились чайки. Молодой матрос у трапа грубо оттеснял пацанов от раскрытых дверей, хватая за плечи, и пропускал по одному, как шарики в «Спортлото». Этот матрос всю дорогу о чём-то болтал с вожаткой, с пухлой и очкастой Ириной Михайловной, заигрывал с ней и теперь показывал, какой он резкий мужик.

– По очереди! По очереди! – орал он пацанам. – Щас как дам в лоб!

Девчонки толклись за спинами пацанов и галдели.

– Рин Халовна! – кричали они. – А Галкин лягается! Рин Халовна, тут чья-то кофта лежит! Рин Халовна, а у Морозовой панаму сдуло!

Валерка продолжал сидеть, пропустив вперёд и девчонок тоже.

– Лагунов! – увидела его вожатка. – Пошевеливайся!

– Лагунов! – тотчас закричали девчонки, оглядываясь. – Чего расселся! Вставай с лавки, дурак! Приехали! Слышишь, чего тебе сказали?

Валерка нехотя поднялся и пошёл, болтая чемоданом. Учителя всегда обращали на него внимание, потому что он был невысокий, худенький и в очках. Учителям

казалось, что он нуждается в опеке, иначе его затрут или потеряют. Но Валерка Лагунов в опеке никогда не нуждался.

Жалко, что доплыли так быстро. На корабле было интересно.

Ирина Михайловна вывела свой отряд с причала и собрала в кучу возле ворот – двух железных столбов, над которыми была укреплена дуга железной рамы с железными буквами: «Пионерлагерь “Буревестник”». Ирина Михайловна принялась по списку проверять свой отряд: пятнадцать мальчиков и пятнадцать девочек. Все после пятого класса, только школы разные, хотя из одного района, и почти всем по двенадцать лет. Валерка разглядывал опустевший речной трамвайчик – изящный, будто огромная игрушка, а пацаны глазели на памятник у ворот – на гипсовую скульптуру девочки-горнистки. Валерка ещё на трамвайчике отметил и запомнил, как в его отряде зовут самых шептунных и горластых мальчишек, которые умели знакомиться мгновенно и ничего не стеснялись.

Пацан по фамилии Титяпкин заглянул гипсовой горнистке под юбку и с сожалением сообщил:

– Блин, там всё заделано!

– Ты урод, Титяпкин! – возмущённо завопили девочки.

Имени Титяпкина никто не знал, да с такой фамилией имя и не нужно.

Другой пацан – Серёжка Домрачев – сказал:

– У нас закон такой был: кто шишкой ей в горн попадёт, чтобы шишка внутри осталась, тому будет счастье.

Серёжа Домрачев провёл в лагере «Буревестник» первую смену и теперь приехал на вторую. Он всё знал о «Буревестнике».

– Я щас шишку найду! – заметался мелкий юркий пацан, похожий на неукротимого лягушонка. Его звали Женя Гурьянов, а кличка была Гурька. – Я каждую ночь сюда стану ходить! Я ей полную трубу шишек набью!

– Гурьянов, вернись на место! – рявкнула Ирина Михайловна.

– Кидай не кидай, всё равно нихрена не сбудется! – буркнул высокий губастый мальчик с недовольным лицом. Мальчика звали Веня Гельбич.

– Законы всегда сбываются! – возразил Колька Горохов. – Чё, не верите? Сами увидите! Кто не верит – тем же хуже!

– У горна воронка неглубокая, там шишка не застрянет, – рассудительно заметил крепкий русоволосый мальчик, которого звали Лёва Хлопов.

– У нас у одного пацана застряла, – возразил Серёжа Домрачев. – Он домой вернулся, и ему родаки велик купили.

– Запомните, ребята! – громко объявила вожатая. – Мы – четвёртый отряд! Сейчас мы идём в четвёртый корпус! Разберитесь по парам!

– Фиг ли как в садике-то! – обиделся Славик Мухин.

Ирина Михайловна сама без обсуждений расфасовала мальчишек по парам. Валерке достался Серёжа Домрачев.

Ребятня суматоха под гипсовой горнисткой потихоньку разряжалась: вожатые уводили свои группы в жилые корпуса. Сначала забрали младших – шестой и пятый отряды, потом Ирина Михайловна возглавила шествие четвёртого отряда. От ворот в глубину лагеря тянулась Пионерская аллея – обсаженная кустами акации и обставленная большущими застеклёнными стендами. Вдоль аллеи, как вдоль городской улицы, возвышались фонари. На горячем асфальте валялись растопорщенные сосновые шишки.

– Вы на шишки наступаете, пацы? – спросил у всех Колька Горохов. – А нельзя! Кто наступит – тот чё-нито дома забыл, верная примета!

По всему лагерю в невидимых динамиках играла бравая пионерская музыка. Девочки сразу поторопились за Ириной Михайловной, чтобы расспрашивать её по пути, а мальчишки замыкали движение: им хватало собственного ума, и вожатка только мешала обмену мнениями.

– Как тут живётся, Серый? – по-хозяйски спросил Лёва Хлопов.

– Да фигово! – влез со своим мнением Гельбич. – Я здесь в прошлом году одну смену провёл – лучше бы в тюрьму попал. Месяц строем ходили!

– Нормально тут, – возразил Серёжа. – Тихий час только задрал.

– А я вообще спать не буду! – заявил Женька Гурьянов.

– Все так говорят, а сами спят, – горько ответил Серёжа.

От аллеи ответвлялись дорожки, ведущие к жилым корпусам и прочим зданиям лагеря. Валерка с удивлением разглядывал причудливые резные терема – какие-то приветливые, не похожие друг на друга, словно бы ни к чему не принуждающие: делай что хочешь. Это было непривычно, будто вместо смотра строя и песни предложили поиграть в прятки. На тесовых стенах и крашенных железных крышах лежали жёлто-зелёные световые пятна. Прямые и высокие сосны казались вертикальными взлётами. В дырявых сосновых кронах солнце рассыпалось на огни, как в клочьях хвойного дыма. Сквозь струнный перебор красных стволов сверкала длинная полоса Волги.

– Это второй корпус, тут старшаки живут, – пояснял Серёжа Домрачев. – Это Дружняк, Дружинный дом. Там кружки всякие, киношку показывают. Это столовка. Там вон – баня. Это – пятый корпус, где салабоны.

– И так всё понятно, чё говорить-то! – раздражённо проворчал Гельбич.

Он ревновал, что расспрашивают Серёжу, а не его.

– А местные есть? – боязливо спросил худенький и мелкий мальчик, имени которого Валерка ещё не знал.

– Местных здесь нет, – успокоил Серёжа. – Есть Беглые Зэки.

– Обацэ! – восхитился Гурька.

– В прошлом году никаких зэков не было! – заявил Гельбич.

– Может, тогда Зэки ещё у себя сидели. А щас они в лесу живут, за оградой, – темнея глазами, поведал Серёжа. – У них там землянки. Я сам видел. За ограду нельзя ходить – поймают.

Валерка дома во дворе не раз слышал легенды о Беглых Зэках. Убежав из зоны, зэки превращаются в каких-то чудовищ, полулюдей-полузверей.

– А поймают – что будет? – встревожился Гурька.

– Если без галстука попадёшься, может, отпустят, – Серёжа имел в виду пионерский галстук. – А если с галстуком – убьют. Старшаки говорили, что в другом году один пацан ушёл – и пропал. Потом только скелет нашли.

Мальчишки были впечатлены.

– Не все же зэки такие, Серый, – неохотно усомнился Лёва Хлопов. – Нам в секции тренер сказал, что был один футболист, олимпийский чемпион, и он тоже стал зэком. А потом его отпустили, и он опять стал футболистом.

– Он же не убегал, – возразил Серёжа.

Лёва вздохнул. Это верно. Если бы тот зэк-футболист убежал, может, тоже обратился бы в людоеда и пасся возле какого-нибудь пионерлагеря.

А девчонкам было совершенно наплевать на угрозы окружающего мира. Девчонки со всех сторон приставали к Ирине Михайловне.

– Рин Халовна, а конкурс песни будет? Рин Халовна, а я умею художественное плетение! Рин Халовна, а дискотеку сделают? Рин Халовна, а можно в другой отряд ходить? У меня там сестра!

– Здесь вообще много колдовства разного, – мрачно сообщил пацанам Серёжа Домрачев.

Валерку это удручило. Он не любил колдовства. Взрослые убеждали, что колдовство – пережитки прошлого, выдумки, но всё равно было страшно.

– Вон тот дом видите?

Серёжа указал на самый, наверное, красивый теремок: голубой и белый, двухэтажный, с верандой, балкончиком и башенкой.

– Там какой-то старикан живёт, пенсионер. У него есть Чёрная комната. Туда люди заходят – и никто уже никогда не выходит!

Валерка посмотрел на ладненький голубой домик, и по спине у него побежали мурашки. Ничего подобного взрослые о мире не рассказывали. Их мир был скучный и понятный, весь для разных надобностей, как автобусная остановка – общая и заплёванная. Колдовство же, ясное дело, было злое и неправильное, оно мстило всем за неизвестно что, но от него мир делался цветным, загадочным и более живым: значит, колдовство было настоящим.

– У нас в прошлом году один чухан в лесу заблудился, так его нашли, – сказал Гельбич, лишь бы поспорить с Серёжей.

– Если бы в лагере дети пропадали, сюда бы мильтоны приехали, – сердито заметил Лёва Хлопов.

Он любил футбол, и ему не хотелось ничего колдовского.

– Детей старикан туда не пускает. А люди там пропали вообще давно.

– Какие люди?

– Это же дачи буржуев были до революции, – негромко сказал Серёжа. – Когда красные пришли, буржуи все в Чёрную комнату забежали и исчезли.

– Чётко! – воодушевился Гурька. – От них должны привидения остаться!

– От привидений надо пиковую даму под матрас положить, – Колька Горохов завертелся, оглядываясь на пацанов. – Пацы, у кого карты есть?

– Я пойду привидений ловить! – азартно заявил Гурька. – Ночью!

– Обоссешься! – авторитетно предупредил Славик Мухин.

К четвёртому отряду, расслабленно растянувшемуся по аллее, вдруг подскочила похожая на девочку тётка с пионерским галстуком.

– Чего такие кислые? – бодро крикнула она. – По маме заскучали? Ну-ка давай речёвку! – И она заорала: – «Это кто шагает в ряд?!»

Все знали эту речёвку.

– «Пионерский наш отряд!»... – вразнобой отозвались девочки.

– Мальчики, не слышу вас! – подхлестнула тётка. – «Дружные!»

– «Умелые»... – вяло и нестройно ответили пацаны.

– «Честные!» – требовательно проорала тётка.

– «И смелые!» – прокричали мальчишки.

– «Наш девиз всегда таков!»

– «Будь готов! Всегда готов!» – уже слаженно закончили пацаны.

– Вот теперь правильно!

Тётка потрепала по затылку Титяпкина и понеслась дальше.

– Это что за дура? – негромко спросил Титяпкин.

– Свистуха, главная вожатка, – сказал Серёжа Домрачев.

Место командира

Пока отряд шёл по аллее к своему корпусу, они разговаривали, а потому как бы немного сдружились; стало понятно, что и дальше можно держаться вместе, то есть в четыре пары: Валерка и Серёжа Домрачев, Лёва Хлопов и Колька Горохов, Титяпкин и Гурька, Славик Мухин и восьмой пацан, мелкий, про которого пока не знали, как зовут. Всю дорогу он робел и лишь поддакивал. А высокий, всем недовольный Гельбич остался без компании.

Четвёртый корпус оказался двухэтажным теремком, смотревшим сразу на все стороны. Ирина Михайловна завела отряд на веранду – большую и жарко нагретую. Здесь ждал второй вожатый: парень с модной причёской и тёмными усиками. Он растерянно улыбался, не зная, что делать, а Ирина Михайловна управлялась с пионерами как опытный погонщик.

– В корпусе четыре палаты, значит, будет четыре звена, – сказала она отряду, строго блестя очками. – Два звена – мальчики, два – девочки, по семь и восемь человек. Так что делитесь на звенья, и поживее. Даю пять минут.

Гурька сразу растопырил руки, загрёб тех, с кем шёл, – Лёву Хлопова, Титяпкина, Валерку и прочих, кроме Гельбича, – и принялся пихать к окну.

– Вот наше звено! – завопил он остальным пацанам. – Не лезь, сволочи!

– Гурьянов, за языком следи! – одёрнула его Ирина Михайловна.

Как полагается учителю, она быстро запоминала своих подопечных в лицо и по фамилиям.

Главный вопрос, терзающий всех пацанов, едва они увидели корпус, задал вожатой кто-то из мальчишек второго, не Валеркиного звена.

– Рин Халовна, а кого на второй этаж заселят?

Второй этаж, понятно, – самый ништяк, самое чёткое место!

– Уж точно не нас, – злобно сказал Гельбич.

– На втором этаже палаты девочек, – сообщила Ирина Михайловна.

– А чё так?! А чё?! Фига-се! – в досаде взвыли все пацаны.

– Потому что вы психопаты! – отрезала Ирина Михайловна. – Вы ходить спокойно не умеете и на лестнице шею свернёте!

– Да всё мы умеем!..

– Разговор окончен. Игорь Александрович, ведите девочек наверх.

Усатый-волосатый вожатик снова улыбнулся.

– Девочки, за мной, – вежливо сказал он. – Ступеньки не ломайте.

Палата, в которую Ирина Михайловна запустила звено Валерки, была похожа на каюту деревянного корабля. Большое окно. Восемь заправленных коек по четыре в ряд: полотенца висят на спинке, байковые одеяла натянуты, подушки торчат пирожками. У каждой койки – тумбочка. На досках стен, на половицах и на байковых одеялах лежали яркие квадраты солнца.

– Располагайтесь, – сказала Ирина Михайловна. – Доставайте, что вам надо, и парадную форму. Через полчаса чемоданы заберу в кладовку.

– Нормальная палата, – озираясь, подытожил Лёва Хлопов.

Его слова прозвучали как команда «Вперёд!».

Гурька отшвырнул свой рюкзак-колобок и полетел к окну.

– Моя! – завопил он, звездой упав на койку.

Валерка знал, что койки под окном всегда считаются самыми лучшими. Почему – неизвестно. Однако лично Валерке больше нравилась койка в углу, и он молча

поставил на неё свой чемодан. И второго соседа нет, и выход рядом, и удобнее делать домик из простыни, чтобы укрываться от комаров.

В пионерлагерях Валерка бывал уже много раз – с третьего класса ездил. Папа считал, что Валерка слишком много читает и ему не хватает общения со сверстниками. Валерка не спорил, хотя в лагерях ему было скучновато. Папа у Валерки работал инженером в секретном конструкторском бюро, чертил двигатели для военных ракет. Это была государственная тайна, но непонятно, от кого. Как человек, думающий о Родине, папа хотел, чтобы сын был ближе к народу. А Валерку народ заколебал: одному побыть бы, без товарищей, без учителей и без глупой младшей сестрёнки, – вот чего надо.

Другую койку под окном тотчас занял Титяпкин: плюхнулся задом и принялся вертеться туда-сюда, словно ввинчивался для более надёжного закрепления. Но к Титяпкину вдруг не спеша подошёл Лёва Хлопов.

– Слушай, – проникновенно сказал он. – Я футболист, я бегаю, у меня лёгкие вот так разработаны, – Лёва руками показал перед собой нечто вроде женских грудей. – Мне кислород нужен. Пусти меня к окошку, а?

Титяпкин обомлел. Лёва, безусловно, был сильнее всех в палате, но дело не в этом. Даже за такое короткое время само собой определилось, что к Лёве в их только что сплотившейся компании уже все прислушиваются. Лёва незаметно становился признанным командиром. И как теперь быть бедному Титяпкину? Поссориться с Лёвой, когда остальные задружились?

– Да за мах! – залихватски заявил Титяпкин, словно уступить Лёве ему было в радость, и ловко перепрыгнул на койку напротив.

– Эту я забил! – обиженно закричал Славик Мухин.

– Я с Лёвкой! – заорал ему Титяпкин. – У Лёвки кислорода нету!

– Пошёл в жопу! – Славик без аргументов столкнул Титяпкина на пол.

– Ты чё? – разозлился Титяпкин. – Пойдём выйдем!..

– Это Славика кровать, – осуждающе заметил Титяпкину Лёва.

Рассудительному Лёве не хотелось иметь рядом придурка Титяпкина. А Титяпкину глупо было ссориться с Лёвой из-за койки Славика, если уж он не стал ссориться из-за своей собственной койки. Но Титяпкин почувствовал, что унижен. Ему требовалось отыграться. Его взгляд пронёсся по палате и остановился на Валерке – маленьком и в очках. Очкарики – все слабаки и дристуны, в этом Титяпкин не сомневался. А место в углу вроде неплохое.

Валерка сидел на полу, перекладывая из открытого чемодана в тумбочку аккуратно свёрнутый свитер и парадную одежду – белую рубашку и синие школьные брюки. Титяпкин перескочил через кровать Серёжи Домрачева и с ногами взгромоздился на кровать Валерки, будто обезьяна на ветку.

– Я здесь буду! – сообщил он. – А ты вали на пустую!

Он указал на пустую койку возле восьмого мальчика, безымянного.

Валерка понял, что назревает схватка, и встал. Сердце его колотилось.

– Сам иди! – ответил он.

– Ты чё, очкастый, оборзел? – Титяпкин вёл себя, как шпана.

– Ты там не сидел, Валерыч! – поддержал Титяпкина Колька Горохов. – Жопу поднял – место потерял! Правил, что ли, не знаешь?

– Вам не подраться, нам не посмотреть! – крикнул издалека Гурька.

– Дёрни отсюда, Титька! – решительно сказал Валерка.

Пацаны бессовестно заржали, и даже Лёва улыбнулся. У Титяпкина от обиды запрыгало лицо. Он ринулся к Валерке, сжимая кулаки.

В этот миг дверь распахнулась, и в палату шагнула Ирина Михайловна. На вид она была слабовольной тетёхой, пухловатая и близорукая, но внутри у неё – Валерка это уже уяснил – находился стальной стержень.

– Что за гвалт? – свирепо спросила она.

Пацаны молчали. Ирина Михайловна быстро оглядела всех.

– Титяпкин, не наглей! – сразу поняв ситуацию, жёстко сказала она. – Отцепись от Лагунова. Займи свободную койку. Я проверю!

Не сомневаясь, что ей подчинятся, Ирина Михайловна вышла.

Титяпкин чуть не заплакал.

– Нечестно это! – уже без всякого озверения пожаловался он. – Вы все выбирали себе койки, а мне как чушману последняя осталась!

– Ладно, – смилостивился Лёва. – Давайте как в футболе жребий кинем: кому пустое место выпадет, тот на него и пойдёт, а Титяпа – на его место.

– Может, лучше посчитаемся? – предложил Колька Горохов.

– Считай, – согласился Лёва.

Колька начал считать, тыча пальцем. Лёву он исключил из розыгрыша, признавая право командира лежать там, где хочется.

– За сто-лом си-дели гости, из баш-ки тор-чали гвозди, – затараторил Колька, вращаясь вокруг себя с вытянутой рукой и выставленным пальцем. – Э-то я заколотил, чтоб ни-кто не у-ходил! Ты!

Колька указал на безымянного мальчика. Этот выбор всех устроил.

– Тебя как зовут? – спросил Лёва.

– Юра Тонких, – едва слышно пролепетал пацан.

– Переложись, Юрик, туда.

– Я уже вещи в тумбочку засунул...

– Перекладывайся! – яростно закричал Горохов. – Закон не уважаешь?!

– Титяпа, занимай койку, – распорядился Лёва.

Титяпкин был удовлетворён, хотя получил, в общем, то же самое место, против которого так бунтовал. Направляясь к своей новой койке, Титяпкин обернулся и бросил на Валерку огненный взгляд.

– А с тобой, очкастый, сёдня вечером махач будет, понял?

– Закрой рот – кишки простудишь, – неустрашимо ответил Валерка, как полагалось у пацанов, хотя угроза ему очень и очень не понравилась.

Из коридора донёсся зов Ирины Михайловны:

– На сбор! Всем на отрядный сбор!

Глава 6

Всем о себе

Подъём, зарядка, утренняя линейка. Завтрак, обед, полдник, ужин. «Трудовой десант», тихий час, вечерняя линейка, отбой. Занятия в кружках, соревнования, конкурсы, смотры. Родительский день, итоговый концерт, последний костёр. Купания, игры, кино... Ирина Михайловна подробно разъясняла порядок жизни в лагере, но Валерка не слушал. Он и так всё знал. Щурясь, он читал список отряда, прикреплённый к стенду, вернее, список девочек: Бояркина, Вишнёва, Гуляева, Завьялова, Касимова, Лебедева, Сергушина, Стяжкина... Знакомых нет.

Отряд сидел на веранде на скамеечках вдоль стен. Все были одеты для торжественной линейки: светлый верх, тёмный низ, пионерские галстуки.

– Так, ребята, теперь нам нужно выбрать командира, – деловито сказала Ирина Михайловна. – Есть предложения?

Предложений не было. Ребята ещё не перезнакомились, зато по школе помнили, что командир – это не тот, кто командует сам, а тот, кто заставляет остальных выполнять команды учителей или вожатых. Нафиг кому надо?

– Кто в школе был командиром отряда?

– Я была! – вдруг заявила какая-то девочка.

В голосе её звучали и гордость, и желание, чтобы ею восхищались.

– Иди сюда, Сергушина, – распорядилась Ирина Михайловна.

Сергушина вышла перед отрядом как-то по-балетному, мягко ступая на цыпочках, повернулась, показывая себя, и улыбнулась, будто киноактриса. У неё были чёлка и два хвостика с жёлтыми пластмассовыми бабочками; губы она накрасила помадой, глаза и брови подвела чёрным карандашом.

– Как зовут? – спросила Ирина Михайловна.

– Анастасийка! – пропела девчонка.

Ирина Михайловна оглядела эту расписную кокетку и вздохнула. Не дело командиру отряда быть такой размалёванной, однако учителя в школе ведь утвердили Сергушину на ответственном посту командира – значит, есть за что. Следует доверять мнению коллег и потерпеть девчачьи глупости.

– Отряд согласен выбрать Настю? – спросила Ирина Михайловна.

– Я не Настя, я Анастасийка!

Девчонки зашушукались, а пацаны засмеялись.

– Все согласны, – подвела итог вожатая. – Сядь, Сергушина.

Анастасийка, красуясь, поплыла обратно.

– Но перед линейкой умойся, – сверкнула очками Ирина Михайловна.

Анастасийка, не оглядываясь, фыркнула, что означало: «Я так и знала!»

– Ещё нам нужен высокий мальчик в знаменосцы, – продолжила Ирина Михайловна. – Веня Гельбич, как раз для тебя задание.

Гельбич был на полголовы выше всех.

– Не, я не хочу, – отпёрся он.

– Давай не возникай! – одёрнула его Ирина Михайловна. – У Игоря Александровича в комнате возьмёшь флаг, пилотку и ленту через плечо.

– Да бли-ин!.. – расстроился Гельбич.

– А ещё надо название отряда, девиз и речёвку.

Валерка подумал, что есть колдовство детей: Чёрная комната, Беглые Зэки, разные там Гробы-на-Колёсиках, Автобусы-Мясорубки и Синие Ногти. А есть колдовство взрослых: командиры отрядов, знамёна, звёзды, девизы. Детское колдовство – оно, наверное, для страха: чтобы не открывали дверь кому попало, чтобы не уходили куда-нибудь с незнакомцами, чтобы не ели неизвестную еду. А для чего колдовство взрослых? Чтобы сделать вид, будто все дети – пионеры, «всегда готовы», «дружные, умелые, честные и смелые»?

– У кого какие варианты названия? – Ирина Михайловна встряхнула отряд строгим взглядом. – Ну, где инициатива?

– Да вообще никак не надо называть! – Гельбич в досаде дёрнул плечом. – Четвёртый отряд – и всё понятно! Всё равно название никто не запомнит!

– А если бы тебя самого никак не назвали, тебе бы это понравилось? – с назиданием поинтересовалась Анастасийка.

Пионеры засмеялись, а Гельбич презрительно скривился: видимо, такой вариант его вполне устраивал.

– Будут предложения поумнее? – недовольно спросила вожатая.

– Давайте назовём «Роза Экстаз», – сказала Анастасийка.

– Розовый унитаз, – тотчас сказал кто-то из пацанов.

– Это что такое? – удивилась Ирина Михайловна.

– Очень красивый цветок, – мечтательно объяснила Анастасийка. – Его на Восьмое марта девушкам дарят.

– У нас не Восьмое марта, – отвергла вожатая. – Короче, отряд будет называться «Данко». Девиз – «Гори так ярко, как сердце Данко!».

– В прошлую смену отряд так назывался, – напомнил Серёжа Домрачев.

– И чем плохо, Домрачев?

– Да хоть как назовите! – Серёжа почему-то обиделся и отвернулся.

– Речёвка такая, запоминайте: «Возьми своё сердце, зажги его смело, отдай его людям, чтоб вечно горело!» Итак, давайте потренируемся...

Эту дурацкую речёвку они настойчиво повторяли всем отрядом, пока шли от своего корпуса к Дружинной площадке. Ирина Михайловна следила за девочками, Игорь Александрович контролировал мальчиков. Анастасийка вышагивала впереди, словно была невестой, а отряд нёс её длинную фату. Венька Гельбич уныло плёлся за Анастасийкой, будто жених поневоле; он был в пилотке и с алой лентой через плечо; знамя он нёс, как весло.

Дружинная площадка на самом деле была волейбольной площадкой, по периметру её окружали гравийные беговые дорожки. Шесть пионерских отрядов выстроились на гравии ровными прямоугольниками. Небольшая группа взрослых во главе со старшей пионервожатой расположилась так, чтобы не быть ни к

кому спиной. Парень-радиотехник подтащил стойку с микрофоном. Провода тянулись к ящикам с дискотечными колонками.

– Здравствуйте, ребята! – грянул из динамиков бодрый голос Свистухи. – Приветствуем вас на лучшей смене этого года – на Олимпийской смене!

По отрядам прошелестело лёгкое волнение.

– Расскажите всем о себе! – призывно прогремела Свистуха.

Вожатая первого отряда тихо скомандовала:

– Три... четыре!

– РИТМ! – гаркнул первый отряд.

– Девиз! – скомандовала вожатая.

– Романтики! Искатели! Творители! Мечтатели!

– Речёвка... Три... четыре!

– Решать! Искать! Творить! Мечтать! В ритме века быть человеком!

Из кустов акаций вокруг площадки прыснули перепуганные птички.

– Комета! – так же, как первый, проорал и второй отряд. – У кометы есть девиз: никогда не падать вниз! Комета на небе, а мы на земле! Да здравствует счастье всегда и везде!

– Алые паруса! – подхватил третий отряд. – Ветер дует в паруса, детство верит в чудеса! Плыви всегда, плыви везде, и путь найдёшь к своей мечте!

– Три... четыре! – прошептала и Ирина Михайловна.

– Данко! – взревел Валеркин отряд. – Гори так ярко, как сердце Данко! Возьми своё сердце, зажги его смело, отдай его людям, чтоб вечно горело!

Затем завопили своё и пятый отряд, и шестой. В смысл названий, девизов и речёвок никто не вдавался. Главное было – чтобы прозвучало в лад. Какой отряд переорёт всех – тот самый козырный. Вернее, наоборот: какой отряд будет кричать хуже всех, тот и чмошный.

– Отлично! – одобрила старшая вожатка. – Теперь и нам надо назвать себя. Знакомьтесь, ребята!.. Самый строгий человек нашего лагеря – старший воспитатель Родионова Марина Фёдоровна! Похлопаем!

Отряды похлопали старшей воспитке, которая в ответ помахала рукой, а потом похлопали Колыбалову Николаю Петровичу – директору лагеря, Захваткину Руслану Максимычу – физруку, и Носатову Валентину Сергеичу – доктору. Запомнить имена-отчества и должности никто и не пытался.

– А вот самый главный человек в нашем лагере! – Свистуха повернулась к сухопарому старику в пионерском галстуке. – Это Серп Иваныч Иеронов!

Отряды заинтересованно ждали разъяснений.

– Серп Иваныч – ветеран Гражданской войны! Он пенсионер союзного значения! – Свистуха обвела отряды восторженным взглядом. – Над таким вот замечательным человеком наша дружина берёт своё шефство! Салют!

Свистуха вздёрнула руку ко лбу, и все отряды тоже отсалютовали.

– Серпу Иванычу мы предоставляем почётное право поднять флаг Олимпийской смены! Ваше слово, товарищ Иеронов!

Высокий Серп Иваныч чуть склонился к микрофону.

– Здравствуйте, ребята, – просто сказал он. Голос у него был густой и красивый. – Надеюсь, я вам тут в лагере мешаться не буду. Видели, наверное, голубой домик с красной крышей? Это моя дача. Вот такой я помещик. Заходите в гости, угощу чаем с печеньем.

Пионеры нерешительно засмеялись. Никто, конечно, и не думал вот так запросто завалиться в гости, но за приглашение, как говорится, спасибо.

Валерка стоял в первом ряду и неплохо рассмотрел старикана. Вроде, добрый. Седые волосы коротким ёжиком, короткая белая щетина бороды и усов, резкие морщины. Костлявый, немного сутулится, но крепкий.

– Серп Иваныч участвовал в революции и освобождал наш город! – сбоку крикнула в микрофон Свистуха.

– Да вы уж, наверное, и не помните про эти события, – смущённо сказал Серп Иваныч, заранее извиняя пионеров.

– Помним! – зашумели отряды: приятно было оказать уважение такому дружелюбному и скромному человеку.

– А кто освобождал наш город, ребята? – опять влезла Свистуха.

– Чапаев! – воодушевлённо закричали со всех сторон.

Чапаева-то не забудешь: возле куйбышевского драмтеатра громоздился большой памятник – Чапай на коне и куча всяких солдат с винтовками.

– А кого прогоняли? – лукаво спросил Серп Иваныч.

– Белых!

Понятно, что белых, а не фиолетовых. Но белые-то были разные. Для Валерки давняя Гражданская война была прекрасной и героической сказкой, от которой щемило сердце. Валерка много читал о том времени.

– Прогоняли интервентов, – негромко сказал он.

Иеронов, конечно, не услышал Валерку, но его услышала Анастасийка Сергушина, командир Валеркиного отряда. Анастасийка стояла на полшага впереди строя, чтобы её все видели.

– Интервентов! – звонко крикнула она.

– Ого! – удивился Серп Иваныч. – Ну-ка, девочка, я к тебе!

Он обогнул микрофон и, улыбаясь, направился к Анастасийке через пустое пространство Дружинной площадки. Отряды настороженно затихли, наблюдая. Никто не знал, зачем старик пошёл к пионерке.

– Щас по шее даст, – предположил Славик Мухин.

– Зря мы эту дуру выбрали! – забормотал соседям по строю Колька Горохов. – Девка-командир – фиговая примета! Дежурить заставят!

Иеронов приближался, грозно заслоняя собой весь мир.

– Это не я, это он сказал! – глядя на старика, оробевшая Анастасийка быстро перевела вину на Валерку. – Вон тот, в очках!

Валерка одеревенел. Эх, надо было молчать!.. Ничего хорошего не бывает, когда высываешься со своим мнением!

Серп Иваныч подошёл к Валерке и положил ему руку на плечо.

– Молодец! – негромко и с чувством похвалил он.

Валерка взглянул в тёмные глаза старика, и почему-то у него захолонуло сердце. Печальные глаза Серпа Иваныча словно бы видели всё на свете. В них таилась бездна, будто он, Валерка, смотрел в телескоп, проваливаясь в высокую пропасть ночного неба, только в той пропасти не было мерцающих звёзд – один лишь чёрный дым. Наверное, дым Гражданской войны.

– Мы вместе флаг поднимем, – оборачиваясь, объявил отрядам Иеронов.

Отряды взволнованно загудели: повезло же очкарику!.. Серп Иваныч взял Валерку за руку, как внука, и повёл к мачте, что была вкопана на краю площадки. Валерка чувствовал, что весь лагерь смотрит на него.

Вдоль мачты на роликах был натянут трос, а к тросу прицеплено красное знамя. Старшая вожатка незаметно подала знак радиотехнику, и в динамиках вдруг пронзительно затрубили горны и загрохотали барабаны.

– Тяни верёвку, – усмехнулся Серп Иваныч. – Не бойся.

Валерка начал перебирать трос, и красный флаг поехал в высоту. На верхушке мачты он развернулся и заполоскался в яркой солнечной синеве. Все пацаны и все девчонки пионерлагеря «Буревестник» смотрели на знамя, задрав головы. Пятиконечные звёзды, клятвы и всякие будённовки давно превратились в надоевшую, бессмысленную и обязательную глупость – и для детей, и для взрослых, – но в поднятом флаге всё равно сохранялось что-то честное, чистое, настоящее. Как в городских голубях, которые роются в помойках и клюют на тротуарах шелуху семечек – но могут вдруг полететь.

– Будь готов! – крикнула Свистуха, вздёрнув руку в салюте.

– Всегда готов! – в раскат отозвались отряды.

Валерка возвращался в строй, ощущая, как весь лагерь завидует ему. Валерка встал на своё место между Славиком Мухиным и Юриком Тонких и попытался превратиться в никого, чтобы на него перестали пялиться.

– Зашибонско, Валерьяныч! – жарко зашептал ему сзади Титяпкин.

Валерка понял, что Титяпа уже расхотел устраивать махач с человеком, который внезапно овеялся такой славой. Себе дороже будет.

Глава 7

Тёмное время суток

Жизнь – вещь парадоксальная. Чтобы сохранить хотя бы относительную самостоятельность, человеку надо быть в роли ведомого, то есть того, кто, по идее, вовсе не имеет никакой самостоятельности. Беречь то, чего нет, – абсурд.

Но Игорь привык к абсурду. Призывают же беречь идеалы коммунизма, и никто не спятил от удивления. В общем, отрядом командовала Ирина – а Игорь для сохранения самостоятельности просто выполнял её указания.

А для Ирины всё было просто и прекрасно. Она выросла в каком-то колхозе, и теперь управляла подчинёнными с крестьянской нерассуждающей хозяйственностью. Чем занять детей? Да чем угодно: в лагере полным-полно кружков, секций и подготовок к разным соревнованиям! Как разобраться в детях? А чего тут сложного? Высокий – на волейбол, крикливый – в хор, умный – пускай играет в шахматы, кривляется – тогда в театральный кружок, а если пойман со спичками или нарушает режим, то грабли в руки и вперёд – на уборку территории. Главное – проследить, чтобы никто не отлынивал.

Ирина заявлялась в корпус ещё до того, как по трансляции звучал горн из «Пионерской зорьки», который возвещал побудку, и уже не покидала отряд до самого отбоя. Перед отбоем она проводила на веранде «свечку» – общее собрание для обсуждения итогов дня. По замыслу, пионеры должны были передавать друг другу зажжённую свечу; кто держал её – тот высказывал свои впечатления о прошедшем дне. Однако директор лагеря Колыбалов из противопожарных соображений запретил палить огонь в деревянных домах, и свечу отменили. А итоги Ирина оглашала сама, без помощников. Она полагала, что если давать слово каждому желающему, то пионеры до подъёма спать не упихаются, а могут и разодраться.

Все детали дня Ирина помнила с точностью разведчика.

– Кривошеин сегодня в столовке кашей кидался – завтра будет в палате подметать, – сказала она. – У Сергушиной завтра Совет дружины в десять. Потапова, в рваных колготках на линейку не пущу. Цыбастов, я слышала от тебя матерное слово. Ещё раз – и пишу заявление в милицию, понял?

– Гурьянов обещал ночью из лагеря сбежать, – нажаловались девочки.

– Игорь Александрович, проверьте ночью Гурьянова, – властно повелела Ирина. – Если он не будет в койке – выгоним из лагеря за нарушение режима. Всё, делайте «орлятский круг», и пора в палаты.

«Орлятским кругом» назывался пионерский ритуал, когда все вставали в круг, обнимали друг друга за плечи и хором негромко говорили какие-нибудь обещания или пожелания. Или же пели что-нибудь воодушевляющее.

Четвёртый отряд, потолкавшись, выстроился вдоль стен и обнялся. Игорь с одной стороны положил руку на плечи Титяпкина, с другой стороны – на плечи Маше Стяжкиной. Мальчики стеснялись обниматься с девочками, поэтому Игорь и Ирина разделяли их собой.

– День пролетел, и лагерь спешит ко сну, – забубнили все.

– Доброй вам ночи, наши ребята, – как-то интимно сказали девочки.

– Доброй вам ночи, наши девчата, – зажато сказали мальчики.

– Доброй вам ночи, вожатые наши, – хором сказали опять все. – Завтра нам в трудный путь! Начинаем операцию «Тс-с-с!».

Пионеры с облегчением освободились друг от друга и предостерегающе зашипели, прижав к губам указательные пальцы.

Это действие казалось Игорю жгучим фальшаком. «Орлятский круг» подразумевал, что пионерская жизнь – бескомпромиссная и опасная борьба, которая сплачивает борцов как братьев. Игоря ошпаривала неловкость, и тянуло яростно чесаться. Он и почёсывался, пока загонял пацанов в палаты.

В каморке вожатых Саша тоже готовился укладываться. Это летом-то, в десять вечера!.. Наверное, в детстве Саша был очень послушным ребёнком, плотно охваченным строгой опекой родителей, и до сих пор не избавился от привычки всё делать правильно. А Игорь хотел почитать в кровати. Но, как известно, по сигналу «отбой!» наступает тёмное время суток.

– Ты сможешь уснуть при свете? – спросил Игорь.

– Нужно уважать правила общежития! – ответил Саша.

Ясно: чтение обломилось. Сидеть с книжкой на веранде Игорь не желал. Он обречённо вышел на крыльцо и достал сигарету. Никакую подругу Игорь в лагере ещё не завёл, потому оставалось лишь гулять в одиночестве.

За соснами, за Волгой догорал закат; в его угасании томилаь сплошная эротика: стыдливая горячая краснота и движение вниз, к постели... Сквозь мягко слепящий багрянец чёрные сосновые стволы как швартовочные тросы подтягивали синее небо к мохнатому причалу земли. Было жарко, будто в машинном отделении теплохода возле только что выключенного дизеля.

Игорь шагал по длинной Пионерской аллее, сам не зная куда. На Волгу, наверное, куда ещё здесь можно было пойти? Фигурные терема корпусов, угловатыми частями утопая в зыбком сумраке, внезапно обозначали себя среди кустов пунцовыми отражениями заката в оконных стёклах. В третьем корпусе одно окно было открыто, и до Игоря донеслось пение девочек:

– Не слышны в са-аду даже шо-ра-хи, всё здесь за-ми-рло да утра-а...

Это был настоящий вечер, без всяких дурацких пионерских заморочек.

В акациях за стендом «Слава победителям!» кто-то ворочался и хихикал.

– Ну-ка вылезай! – останавливаясь, строго приказал Игорь.

Из зарослей выбрались две девчонки – обе из второго отряда. Одну из них Игорь уже знал. Она была главной звездой физрука Руслана и главной проблемой вожатки Леночки. Звали её Жанкой Шалаевой. В неё, наглую, большеротую и глазастую, потихоньку влюблялись все старшие пацаны. Девочкой она была дворовой и, очевидно, понимала о жизни больше, чем следует в её возрасте. Её подругу, мрачную хулиганку, звали, кажется, Олей.

– Нарушаем режим? – прищурился Игорь.

– Ой, только не говорите Ленке, Игорь Саныч! – кокетливо ответила Жанка, ничуть не смущённая.

Вожатая уже была для неё Ленкой, и она уже выучила, как зовут всех мужчин в педколлективе. Н-да, оторва не пропадёт.

– Живо в корпус! – сурово сказал Игорь. – Через десять минут проверю!

Девочки недовольно фыркнули, развернулись и улезли обратно в кусты.

Игорь пошёл дальше. Над аллеей, вздрогнув, зажглись фонари. Небо сразу погасло; кроны сосен, подсвеченные снизу, превратились в медленно клубящийся потолок; пространство за стволами деревьев исчезло; акации выступили из темноты плотными кущами белой, как бумага, листвы.

Поодаль, у пищеблока, под тусклой лампочкой над служебным входом судомойка баба Нюра кормила объедками лохматого пса.

– Е-эшь, не бойся, – бормотала она. – Е-эшь, Мухтар, не о-отниму...

У бабы Нюры половина лица была перекошена параличом, и пионеры передразнивали её гримасу, поэтому баба Нюра была злая и на всех орала. Игорь удивился тихой доброте, с которой баба Нюра возилась с псиной.

Игорь обогнул Дружинный дом с тыла, чтобы никто его не увидел: не поощрялось, когда вожатые покидают территорию лагеря. На заднем дворе на лавочке сидели Наталья Борисовна, старшая вожатая, и Руслан Максимыч, физрук. Стараясь не шуметь, Игорь прокрался у них за спиной.

– Хочу такую же дачу, как у Ероныча, – негромко призналась Наталья Борисовна, положив голову на плечо Руслана. – Клубнику буду выращивать.

– Проживи сто пият лет, как Еронов, и дадут.

– Может, мне родить, Руслик? Тогда квартиру из фонда выделят.

– Пока в декрете торчишь, место в горкоме потеряешь.

– А если на полставки там остаться?

– С полставкой на квартиру не рассчитывай, – вздохнул Руслан.

Наталья Борисовна тоже вздохнула. Столько хороших возможностей – работа, квартира, ребёнок, – но одно исключает другое. Надо выбирать. И это трудно. Заводной комиссаршей Наталья Борисовна была только на работе.

Игорь дошёл до ворот пионерлагеря, размотал ржавую проволоку на замочной петле и приоткрыл створку из железных труб. На постаменте, конечно, по-прежнему возвышалась призрачная горнистка. Дощатая полоса пирса, светлея, уходила в темноту Волги. Река дышала в лицо свежестью.

Игорь пошагал по пляжу подальше от входа в лагерь. Под ногами с хрустом продавливался песок. В небе висел узкий серпик нарождающейся луны. Игорь всей душой ощущал, что рядом с ним простирается огромная и плоская пустота бесконечного плёса – будто невидимое высоковольтное напряжение вдоль воздушной линии электропередачи. Так звучала Волга. Её мистическое притяжение увлекало за собой, обрывая все привязи жизни.

От Волги лагерь был отгорожен сетчатым забором. Доступ к реке был самым непоколебимым запретом «Буревестника». Историями про утонувших детей начальство пугало вожатых куда сильнее, чем сами вожатые пугали детей историями про всякую нечисть, убивающую пионеров по ночам. Игорь невесело усмехнулся. То, что интересно, всегда оказывалось недозволенным. Нельзя купаться в реке. Нельзя ходить в лес. Нельзя соблазнять девушек. А что тогда делать? Смотреть Олимпиаду по общему телевизору?

Игорь сел на бревно, выброшенное водой и полузанесённое песком. Сзади за соснами горели фонари Пионерской аллеи. Впереди на реке еле тлели алые искры бакенов. Угасающая синева волшебной линией очертила дальние кручи Жигулей. По фарватеру шёл круизный лайнер. Он казался освещённым изнутри, точно аквариум. Сквозь телепатический шёпот течения доносилась неясная музыка. Люди плыли навстречу каким-то удивительным впечатлениям, танцевали на палубе, пили вино, шутили и смеялись, а он, Игорь Корзухин, был на все гайки и контргайки привинчен к пионерлагерю, к летней практике, к высшему образованию, к трудовой биографии...

А где-то луна серебрила исполинские щербатые грани древних пирамид. Океанский ветер трепал обрывки такелажа на мачтах Летучего Голландца.

Неведомая сила поджидала самолёты в ловушке Бермудского треугольника. Ряды бессловесных каменных истуканов вглядывались в горизонт с берега острова Рапануи. Драконья челюсть Стоунхенджа скалилась разбитыми зубами. В Непале косматый снежный человек, стоя на четвереньках, нюхал следы альпинистов. В холодной глубине озера Лох-Несс бесплотно скользила тень юрского плезиозавра. Космическая навигация пустыни Наска навеки застыла в скрещении таинственных дуг и биссектрис. Джунгли корнями медленно раздирали на куски заброшенные города индейцев майя. Стаи разноцветных рыб вились меж колоннад затонувшей Атлантиды. Ничего этого ему, Игорю Корзухину, никогда не увидеть. Почему? А по кочану.

Сзади зазвенела сетка забора. Игорь оглянулся. Кто-то ловко перелезл через ограду. Нет, не ребёнок. Взрослый человек – но стройный и гибкий. Что за гимнаст вдруг выискался?.. Игорь изумился: это была девушка, но стриженная под мальчика. Вероника. Вожатая из третьего отряда, в котором другим вожатым был Саша, сосед Игоря по комнате.

Вероника вышла на пляж, делая вид, что не замечает Игоря. Игорь сразу понял, что в этом пренебрежении заключается вызов – конечно, не лично ему, а всему миру. Всем «нет», «нельзя» и «никогда». Вероника сбросила обувь, извиваясь, спустила джинсы, через голову стащила футболку, а потом, заломив руки, бесстрашно расстегнула лифчик. Слабая луна еле освещала её бледную грудь. Игорь остолбенел: не мог пошевелиться или хотя бы отвести глаза. Боязливо расставив руки, Вероника в одних трусиках осторожно ступила в воду, добралась до глубины по пояс, легла и поплыла от берега.

Игорь наблюдал, как она сделала круг и вернулась. Она вышла из воды вся блестящая и по-прежнему не прикрывала грудь руками. У Игоря в уме всё смешалось: сейчас надо было небрежно уронить какое-нибудь саркастическое замечание, или, наоборот, выразить понимание и одобрение, или хотя бы предложить сигарету, а он молчал, как каменный истукан на острове Рапануи. Белая грудь Вероники заворожила его, заворожил этот странный и дерзкий поступок – искупаться полуголой назло всему, и пускай даже никто не увидит этого, а потрясённый остопоп не в счёт. Вероника быстро обтёрлась футболкой и принялась одеваться.

А потом она пошла обратно к забору, перелезла через сетку и скрылась за кустами. У Игоря же осталось безумное ощущение, что ни с того ни с сего он вдруг потерял всё на свете. Или, может быть, всё на свете обрёл.

Глава 8

Оскал олимпийского мишки

Дружинный дом был двухэтажным щитовым бараком, построенным лет тридцать назад как совхозное общежитие – тогда деревня Первомайская ещё худо-бедно процветала. Теперь в Дружинном доме располагались жилые комнаты старшей пионервожатой, физрука и старшего воспитателя, а также кружковые комнаты, радиоузел и почти священная Знамённая комната. На первом этаже находился кинозал с затемнёнными окнами. Туда можно было запихать человек шестьдесят – семьдесят, поэтому фильмы в лагере менялись раз в три дня, чтобы их посмотрела вся дружина. Сегодня был вечер третьего и четвёртого отрядов. Игорь, Ирина, Саша Плоткин и Вероника сидели в последнем ряду, и к ним присоседились физрук Руслан и Свистунова.

Радиотехник Саня крутил скучное документальное кино про подготовку к Олимпиаде, но старшая вожатая пообещала, что потом будут мультики, и недовольные зрители терпели, тихо переговариваясь в ожидании зрелища. Стрекотал киноаппарат; в темноте над залом светился расширяющийся дымный луч, в котором мелькали цветные тени, и ребячьи макушки делались то синими, то красными, то жёлтыми.

– Угадайте загадку, пацы, – заелозил Лёшка Цыбастов из второго, не Валеркиного звена. – В тёмной комнате на белой простыни полтора часа удовольствия! Что это?

– Отвянь, все знают! – пробурчал Венька Гельбич.

– Ну-ка прищемились там! – строго одёрнул болтунов физрук Руслан, потом склонился к уху Саши Плоткина и уважительно прошептал: – Не понимаю, как ты вообще этих дэбилов в шахматы учишь? Молоток!

Саша пожал плечами: дескать, что свыше дано, того умом не постичь.

Валерка внимательно смотрел на экран. Ему, в отличие от прочих, было интересно. Столько всего приготовили для Олимпиады!.. Валерку поражала странная инопланетность новых спортивных сооружений: чаши стадионов напоминали метеоритные кратеры, а велотрек в Крылатском был подобен фантастическому поселению на Луне; многоногим марсианским крабом растопырился стадион «Дружба», и на него неудержимо пёр Дворец спорта «Динамо», похожий на старинный танк. На стеклянно-ячеистом вогнутом парусе гостиницы «Космос» дробно полыхало солнце. Блестели вереницы прозрачных и элегантных автобусов «Икарус». Пышно били белопенные фонтаны. Реяли стаи пёстрых флагов. Но сильнее всего Валерку впечатляли спортсмены. Они дружно шагали рядами и колоннами и белозубо улыбались кинооператору. Валерка рассматривал лица атлетов – простые, открытые и мужественные. Спортсмены были как солдаты на параде: им ведь и вправду предстоял бой, жестокая схватка на пределе возможностей.

Валерка завидовал спортсменам. Конечно, не их силе. Он завидовал тому, что у спортсменов были команды, на которые можно положиться во всём, и команды не подведут. А у него, у Валерки, своей команды не было. И надеяться не на кого, и выкладываться не для кого. Что объединяет его с Титяпой или Колькой Гороховым? Палата в корпусе? Желание посмотреть мультики? Это не по-настоящему. Настоящего единения Валерка не встречал никогда. Дружба – не то. Дружба – это когда тебе интересно с твоим другом, когда вы похожи. А команда – когда все разные, но вместе делают одно дело, которое нужно всем, и это дело не сделать в одиночку.

Лёва Хлопов тоже не отрывал взгляд от экрана.

– Ринат Дасаев!.. – восхищённо бормотал он, узнавая футболистов олимпийской сборной. – Черенков идёт!.. Бессонов!.. Гаврилов!..

Документалка наконец-то закончилась, зал облегчённо зашумел, и Саня поменял бобины: началось время мультиков. Правда, мультики тоже были про Олимпиаду. Назывались они «Баба-Яга против!». Цыганистая Баба-Яга, тощий Кощей в пальто и короне и мелкотравчатый Змей Горыныч пытались всячески напакостить пухлому Олимпийскому Мишке, но от недотёпистости путались и мешали друг другу: ничего у них, придурков, не получалось. В общем, было смешно. Отряды разошлись по корпусам удовлетворённые.

Ирина Михайловна быстро провела «свечку».

– Гурьянов и Титяпкин, кто болтал на фильме? – Ирина Михайловна взглядом испепелила нарушителей тишины. – Хотите в следующий раз в корпусе сидеть, пока нормальные кино будут смотреть?

Затем четвёртый отряд сцепился в «орлянский круг».

– День пролетел, и лагерь спешит ко сну, – забубнил Валерка вместе со всеми. – Доброй вам ночи, наши девчата... Доброй вам ночи, вожатые наши... Завтра нам в трудный путь!.. Начинаем операцию «Тс-с-с!»

Валерка терпеть не мог этого кривлянья. Какого фига они так задушевно прощаются? Никто же не сдохнет ночью! И они тут друг другу не родня! Валерка даже с мамой и бабушкой перед отъездом в лагерь так пылко не обнимался и к маленькой сестрёнке не проявлял такой нежности!..

В палате пацаны разобрались по койкам, Горь-Саньч выключил свет и закрыл дверь. Пацаны тотчас вскочили и схватили полотенца. Перед сном требовалось перебить комаров, сколько можно, иначе заедят. Отхлестав по стенам, а заодно и друг по другу, пацаны снова улеглись. Теперь можно было приступить к обсуждению дня – настоящему, а не такому, как на «свечке». Комары, переждав суматоху, потихоньку раззвенелись, как прежде.

– Мультики дрянские были, – заявил Гурька. – Не ржачно нисколько.

– А кино интересное, – сказал Лёва. – Я бы съездил в Москву позырить на Олимпиаду. Или хотя бы на футбол.

– В Москву никого не пускают, – возразил Серёжа Домрачев. – Все поезда идут в обход.

– А людям приехать как? – удивился Титяпкин.

– Жопой об косяк, – буркнул Славик Мухин.

– А зрителей для соревнований где возьмут?

– Все зрители – переодетые мильтоны и солдаты, – авторитетно поведал Серёжа. – В Москве во всех школах летом солдат поселили. А стадионы новые построили, чтобы в стенах сделать незаметные окошки, через которые солдатам можно из винтовок стрелять, если что.

Пацаны мрачно задумались. Да, похоже на правду. Олимпиада ведь – та же война, только как бы врукопашную и не до смерти.

– Иностранцы всякие диверсии приготовили, – сказал вдруг робкий Юра Тонких. – Они об этом давно уже целую книгу написали. Кто надо – читал.

– Откуда знаешь? – не поверил Славик Мухин.

– От папы.

Вообще-то нормальные пацаны на слова родителей не ссылались. Это считалось по-салабонски: всё равно что в школьной ссоре звать на помощь учительницу. Однако в данном случае можно было сделать исключение из правил, и даже Колька Горохов, вздохнув, промолчал.

– Там в той книге написано, что иностранцы будут дарить футболки с Олимпийским Мишкой, – продолжил Юрик. – Так-то Мишка нормальный, а когда постирают – краска облезет, и он оскалится зубами, как собака.

– Т-щ-щётко! – восхитился Гурька. – Мне бы такую футболку!

– А ещё там написано, что будут дарить жувачки, а внутри – бритвочки. А негры через стаканы в газировочных автоматах будут заражать болезнями. И джинсы будут продавать, а в швы там зашиты микробы.

От переполнивших чувств Гурька заметался у себя в койке.

– А чё никто их не поймает? – обиделся Титяпкин. – Они же вредят!

– Папа говорил, что по ночам в Москве мильтоны будут трясти деревья и собирать в баночки жуков, которые упали. Потом их отдадут в медицинский институт и сделают прививку. Но это ведь не сразу.

Коварство иностранцев поразило пацанов, и Валерку тоже. Правильно в мультике было показано, что «Баба-Яга – против». Один только Лёва Хлопов остался недоволен. Он приподнялся на локте, глядя на Юрика. Диверсии диверсиями, но футбол-то не надо сюда замешивать!

– А про футбол что-нибудь написано, Юрик? – спросил он.

– Написано, что иностранные футболисты везут коробочки с блохами. Выпустят на наших, наши станут дёргаться и чесаться – и проиграют.

Лёва немного успокоился и лёг щекой на подушку.

– Из-за блох-то не проиграют, – убеждённо сказал он. – Блохи – фигня.

Пацаны смотрели в потолок и размышляли о трудностях жизни. Сосны за окном были подсвечены синими фонарями Пионерской аллеи.

– Надо нам футбольную команду собрать, – твёрдо решил Лёва.

Глава 9

«Собакам на драку!»

Распорядок дня был начертан на больших стендах, установленных возле столовки, перед Дружинным домом и на Пионерской аллее. Время между «трудовым десантом» и обедом предназначалось для занятий в кружках и секциях, для тренировок и репетиций. На стенде этот период был снабжён стихотворным пояснением: «Раз пришёл весёлый час, так играйте все у нас!».

Игорь Саныч вёл мальчишек своего отряда на стадион играть в футбол.

– Старшаки говорили, что в прошлом году вместо стадика был бассейн, – на ходу рассказывал Серёжа Домрачев. – Только однажды девки купались там после пацанов, и одна от воды сделалась беременной. Начальника лагеря чуть в

тюрьму не посадили. Он приказал закопать бассейн.

Пацаны, если честно, не очень-то представляли, как у девок происходит процесс беременности. Для пацанов драматическая история преобразования бассейна в стадион выглядела вполне правдоподобно. Жизнь трудна.

– Не было никакого бассейна! – не очень уверенно возразил Гельбич, но на него никто не обратил внимания.

Каждую смену в лагере проводился футбольный чемпионат. В нём всегда побеждала команда старшего отряда – первого или второго. Команды старшаков состояли из таких «белазов», одолеть которых никто не мог. Но Лёва Хлопов, вооружённый теорией футбола, дерзнул сломать эту традицию.

– В футболе важны не мускулы, а мозги, – убеждённо говорил Лёва пацанам из своей палаты. – Когда игроки умелые, а команда сплочённая, можно сокрушить любого соперника. Главное – навыки и воля к победе.

Воля к победе имелась у всех, а навыками Лёва обещал снабдить.

– Я такие приёмчики знаю – любого обведёте, – заверил он.

Лёва вступил в переговоры с Игорем Александровичем. Игорю очень понравился замысел Лёвы. Игорь, в общем, не знал, чем занимать пионеров, когда ему как вожатому надо их чем-нибудь занимать. Да и скучно было следить за играми детей, когда сам уже вышел из детского возраста. С собой в лагерь Игорь прихватил пару книжек фантастики. Можно почитать, пока мальчишки поглощены своим делом и не нуждаются в надзоре.

Игорь отыскал Руслана, главного физрука и хозяина стадиона.

– Слушай, выдели мне поле раз в день на час, – попросил он.

– На кой?

Игорь объяснил. Руслан легко согласился: если стадион занят другими, то и ему работы поубавится. Но на всякий случай он предупредил:

– Там одни ворота шатаются. Если твои дэбилы повалят их – сам вкапывать будешь.

Лёва запланировал ежедневные матчи между своим звеном и звеном Веньки Гельбича. В этом противоборстве Лева рассчитывал оценить качество всех игроков, чтобы потом организовать отрядную сборную из одиннадцати человек. На чемпионате в конце смены эта натренированная команда вышла бы против «белазов». И тогда выяснится, что важнее: интеллект или сила.

Узнав об инициативе Игоря, Ирина разъярилась.

– Это не занятия с детьми! – прошипела она. – Ты, Игорь, таким образом просто отлыниваешь от обязанностей!

– У нас же олимпийская смена! – демагогически ответил Игорь.

А пацаны дружно поддержали идею. Футбол-то интереснее, чем уборка шишек на «трудовом десанте», репетиции спектакля в защиту мирного неба или написание писем иностранцам в Школе Интернациональной Дружбы.

– Нечестно! – сразу разоралось звено Гельбича. – Нас семь, а вас восемь!

– Я могу не играть, – робко предложил Юра Тонких.

– Хорошо, Юрик, будешь запасным, – охотно согласился Лёва.

Всё равно от этого стручка никакой пользы.

А Валерку футбол не воодушевлял. Комары ночью так свирепствовали, что Валерка почти до рассвета отмахивался и чесался, а потому совсем не выспался. Шагая к стадиону, он думал о том, что сегодня надо соорудить над собой крышу из простыни, натянув её на спинки кровати. Не напрасно же он занял место в углу палаты, где удобнее всего делать «домик» от кровопийц.

Крепко утоптаный стадион окружали длинные лавочки для зрителей. Разметки на поле не имелось. Ворота стояли пустые – просто два столба и перекладина.

Игорь Александрович вывел пацанов на стадион.

– Всё! – он беспомощно развёл руками. – Больше ничем помочь не могу.

В футболе Горь-Саныч ничего не понимал и не скрывал этого.

– Дальше я сам, – солидно ответил Лёва.

Пока болваны Гельбича нагоняли мяч на ногу, Лёва занялся теорией.

– Гурька, ты будешь вратарём, – сказал он.

– Нет! – завопил Гурька. – Я голы забивать хочу!

– Ты самый ловкий, – терпеливо объяснил Лёва. – Без тебя нам капец.

В душе Гурьки азарт боролся с тщеславием, и победило тщеславие.

– Ладно, – снисходительно согласился Гурька.

– Значит, слушайте дальше, – продолжил Лёва. – Серый и Колян, вы будете защитниками. Вы должны охранять наши ворота.

– А голы забивать? – заревновал Колька Горохов.

– Голы забивают нападающие.

– Делай меня нападающим!

– Все будут по очереди.

– Тогда давай считаться, чтобы по правилам было!

– По правилам – это меня слушать! Я капитан!

– Да зажрись ты своим футболом! – рассвирепел Горохов, ушёл в сторону и от досады принялся пинать землю.

– Титяпкин и Мухин, вы нападающие.

– Я их всех снесу! – пообещал Титяпа. – Их всех отсюда в морг увезут!

– А мы с Валериком – полузащитники. Мы в середине поля.

Термин «полузащитники» Валерке не понравился. И защитником-то быть скучно, а тут вообще только половина задачи! Выходит, по-настоящему в футбол будут играть лишь Титяпа и Славик! Но спорить Валерка не стал.

– Подавайте мяч, Горь-Саныч! – распорядился Лёва. – Мы готовы.

Игорь Александрович вышел на поле и положил мяч посередине. С одной стороны к борьбе изготовилась команда Лёвы, с другой стороны – команда Венки Гельбича, у которого все игроки, не мудрствуя лукаво, были нападающими, и потому слитная кодла гелбичей выглядела куда более опасной, чем технично расставленная команда Лёвы. Игорь Александрович сунул в рот свисток, позаимствованный у физрука, и свистнул.

Гельбичи ринулись к мячу, Вовка Макеров точным ударом сразу послал его вперёд, и гелбичи ломанулись напрямую, расшвыряв Титяпу и Мухина. Лёва отважно метнулся на перехват, повалив пару гелбичей, и Валерка тоже побежал куда-то наугад, ещё не соображая куда. Колька Горохов трусливо отпрыгнул с пути гелбичей, Серёжа Домрачев затерялся в толпе врагов, и Лёха Цыбастов с разгона ударил по воротам Лёвиной команды. Гурька, вытянув руки, полетел в один угол ворот, а мяч пролетел сквозь другой угол. Гурька упал, вскочил и помчался за мячом, словно хотел отомстить ему, и чем быстрее месть свершится, тем незначительнее окажется поражение.

– Ладно, всё нормально, – утешил своих бойцов Лёва. – Нельзя начинать с победы, это расслабляет, – Лёва тяжело вздохнул и осуждающе посмотрел на гелбичей: – А вы чего всем стадом атакуете? Игроки бывают разные: форвард, хавбек, голкипер, а у вас одни форварды! Так нельзя! Мы же общую сборную готовим, и против «белазов» будем играть одной командой. В ней у каждого своя задача. Её надо отработать.

– Иди в жопу! – ответили Лёве наглые и торжествующие гельбичи.

Никто из своих пацанов Лёве ничего не сказал, но урок был усвоен: правила только мешают побеждать.

Гурька принёс мяч и водрузил его в центре поля.

– Собакам на драку! – заявил он.

Игорь Александрович дал свисток. Снова вспыхнуло сражение. Славик Мухин и Титяпкин оставили свою зону ответственности у ворот и влились в общую свалку, и Лёве тоже пришлось присоединиться. Пацаны вопили, толкали друг друга плечами и отчаянно лягались, пытаясь попасть по мячу. Валерка, боясь разбить очки, бегал вокруг побоища, но не находил способа всунуться в него. Всех футболистов охватила ярость: плевать на команду, плевать на ворота, свои или чужие, главное – влепить кедом, чтобы мяч улетел куда-нибудь к чёрту! А мяч вдруг свечкой взмыл в воздух над толпой, потом рухнул вниз, и Лёва, подпрыгнув, боднул его лбом.

Мяч приземлился прямо перед Валеркой и запрыгал по полю. Валерка тотчас метнулся к нему, пнул и погнал перед собой, устремляясь к воротам гельбичей. В воротах, широко растопырив руки, в панике заполошно суетился Борька Подкорытов; лицо у него было белым. А толпа остальных футболистов понеслась за Валеркой, будто дворовая свора за кошкой.

– Стой, очкастый! Стой, падла! – кричали и чужие, и свои.

Титяпа первым настиг Валерку и поддал ему по пятке. Валерка зацепил ногой за ногу и растянулся на пузе. Толпа футболистов, бурля, прокатилась над ним, и кто-то наступил ему на руку. Битва закрутилась в штрафной зоне гельбичей и потихоньку ввалилась в ворота, затоптав Борьку Подкорытова.

– Это гол, гол! – орали из команды Лёвы. – Зассали, гады?

– Не гол! Не щ-щитово! – орали из команды Веньки. – Борзота!

Валерка поднялся и пошёл с поля. Ему стало неинтересно.

Юра Тонких сидел на лавке рядом с Игорем Александровичем. Вожатый читал какую-то растрёпанную книжку с цветастой обложкой.

– Иди, Тонкий, играй за меня! – зло приказал Валерка.

– Я не хочу...

– Иди, а то в ухо дам!

Юрик поплёлся на поле, а Валерка сел на лавку.

– Не любишь футбол, Лагунов? – искоса глянул на него Горь-Саныч.

– Люблю! – строптиво буркнул Валерка.

Сзади к ним подошёл Валентин Сергеич Носатов – лагерный доктор.

– Угости сигареткой, Игорёк, – попросил он вожатого.

Валентин Сергеич возвращался в медпункт от Серпа Иваныча Иеронова – два-три раза в неделю Носатов навещал всесоюзного пенсионера, чтобы измерить давление. Иеронов – человек пожилой: восемьдесят лет, ровесник века, надо держать здоровье под контролем. А то умрёт в пионерлагере, как Пальмиро Тольятти в «Артеке», и тогда врача попрут с работы.

Затягиваясь сигаретой, Носатов понаблюдал за игрой.

– Какой позор! – с чувством сказал он.

– Чем уж богаты, – пожал плечами Игорь Александрович.

– Веди их ко мне после матча. Надо бинтовать и зелёной мазать.

На поле продолжалась битва. Растрёпанная и орущая орава шарахалась от ворот к воротам. Валерка понимал, что основа футбола – передачи, когда футболисты

пасуют мяч друг другу, ловко избегая столпотворения, но сейчас никто не хотел уступать мяч, каждый жаждал завладеть им и заколотить гол самостоятельно. Вокруг вертящегося мяча кипело ожесточённое сражение. Пацаны будто фехтовали ногами, расшибая колени и голени своим и чужим. Мелькали красные китайские кеды и расшлёпанные сандалии, летел песок из-под подошв. Использовать руки строго запрещалось, но в кутерьме пацаны поневоле отпихивали друг друга и орудовали локтями. Потеряв самообладание, Колька Горохов вцепился в Лёху Цыбастова.

– Ты чё, тыгыдымский конь! – возмущённо завопил Лёха.

Титяпкин выдернулся с мячом из толпы и, хрипя, понёсся на половину гелбичей, однако его догнали, и он исчез в куче-мале.

Гурьку в воротах от возбуждения разрывало на части. Гурька то бегал кругами, то подпрыгивал и повисал на перекладине, будто на турнике. Если кто-то из гелбичей пробивался на линию атаки, Гурька в полуприсяде скакал перед ним в штрафной зоне и бешено кричал, как герой на расстреле:

– Давай! Давай, сволочь!

А Лёва Хлопов вкладывал в борьбу всего себя без остатка, хотя можно было чего-нибудь и оставить. Лёва играл умело и ловко: подрезал, обводил, легко отнимал мяч, уворачивался оборотом и делал финты. Но бедой Лёвы была самоотверженность. Лёва желал показать класс и вовлечь в игру всех, кто был в его команде. Он щедро раздавал пасы, прострелом или навесиком отправляя мяч товарищам. Он отважно бросался в самую гущу рубилова, не щадил себя, прикрывал своих пацанов от ударов гелбичей и часто падал, оставаясь в корчах одиноко лежать на земле, когда толпа убегала прочь, но потом мужественно поднимался и, хромя, снова рысцой спешил наперерез орде противника. Он задыхался. Его колени кровенели ссадинами, его майка и растянутые триканы были перепачканы землёй, его волосы растрепались, языки на его кедах вывалились. В общем, Лёва играл благородно – не на жизнь, а насмерть. На поле он был «один за всех», но увы, увы: эти «все» не были «за одного». Пацаны сражались каждый за себя, и команда Лёвы неудержимо получала гол за голом. Валерке стало горько за Лёву.

Вот бы здорово изобрести такую особую машинку: нажал кнопку – и все сразу подчиняются беспрекословно. Проще бы жилось. Лично ему, Валерке, эта машинка была не нужна: он никогда не мечтал командовать. Он отдал бы машинку Лёве. Лёва – хороший человек, а пацаны его не слушаются.

Истерзанный Лёва собрал пацанов обеих команд в центре поля.

– Вы чего как маленькие? – допытывался он. – Нам не надо побеждать друг друга! Мы учимся играть вместе! Вот ты, Цыбастыш, почему Вовчику не отпасовал? Он же прямо против наших ворот находился! А ты, Юрик, зачем отскочил? Ты должен свою зону караулить! Надо всем заодно быть!..

Мяч лежал на земле рядом с Лёвой. Пацаны нервно переглядывались. Титяпкин не выдержал, рванулся к мячу и пнул. И вся орава тотчас с воем кинулась вслед за мячом, бросив Лёву с его бесполезными поучениями.

Игорь Александрович, заложив книжку пальцем, посмотрел на пацанов, посмотрел на Валерку и понимающе усмехнулся.

– Разочаровался в коллективизме? – спросил он.

– Вам нельзя так говорить! – огрызнулся Валерка. – Вы же учитель!

– Учитель, но не дурак.

Валерка не ответил, сердито глядя на игру. При чём тут коллективизм? Коллективизм – это прекрасно. Коллектив всегда прав. Коллектив всегда лучше, чем один человек. Умнее, честнее, храбрее. Но там, на стадионе, разве коллектив? Разве команда? Не команда, а стая макак, дерущихся за банан!

Глава 10

Внешний вид

Для всех, кто надеялся посмотреть открытие Олимпиады, у Серпа Иваныча попросту не хватало посадочных мест, поэтому телезрители сами приносили себе стулья. Игорь вёл на дачу Иеронова активистов своего отряда: Веньку Гельбича, Анастасийку Сергушину, Леночку Романову и Лёву Хлопова. Ирина отпустила их, оставшись в корпусе; Олимпиада её не интересовала, хотя Ирина сто раз в день требовала от пионеров гордиться тем, что они приехали в лагерь на особенную смену – олимпийскую.

Игорь заставил Веньку и Лёву тащить стулья за Лену с Анастасийкой.

– Бабам-то Олимпиада на хрена? – ворчал Венька Гельбич.

– Бабы у тебя в классе, – ответила Анастасийка. – А мы – девушки.

В лагере имелось только два телевизора. Чёрно-белый «Рассвет» стоял в Дружинном доме, но там собралась целая толпа: Свистуха с Русланом, старшая воспитательница Ирина Фёдоровна, директор лагеря Колыбалов, доктор Носатов, радиотехник Саня, завхозиха, бухгалтерша и кастелянша, заведующая столовкой и поварихи. Пионеры из старших отрядов, желающие увидеть зрелище, уже не влезали, и вожатые попросились к Серпу Иванычу – тем более что Серп и сам всех приглашал. На чужой территории гостям было несколько неловко, зато у Серпа разноцветно сиял большой «Рубин».

Серп Иваныч был польщён. Он по-стариковски воодушевился таким количеством молодёжи и не знал, чем угодить. Кирилл и Максим, вожатые-тёзки, припёрли телевизор Иеронова на веранду, водрузили на стол и настраивали антенну; Серп Иваныч помогал расставлять стулья.

– Хватает или нет? – спрашивал он. – У меня на втором этаже ещё один стул есть, только спинка сломана. Нужен будет кому-нибудь, а, ребята?

С Серпом Иванычем кокетничала симпатичная и наглая Жанка Шалаева.

– А эта дача вот прямо ваша, да? – Жанка смотрела на Серпа чистыми глазами дурочки. – Вы, наверное, какой-то подвиг совершили, да?

– Просто я очень старый, – пояснил Серп Иванович. – В городе я давно уже надоел, и меня сюда отправили, чтоб я помер и не мешался.

– Вы совсем-то ещё не старый, – возразила Жанка. – Не скоро помрёте.

Лучи заката набирали над Волгой такую скорость и силу, что слепили даже сквозь частокол сосновых стволов. Веранда была погружена в янтарное свечение. В окно Игорь увидел, что возле крыльца стоит и курит Вероника – вожатая, которая несколько дней назад купалась при нём без лифчика. Игорь уже знал, что Вероника работает на третьем отряде вместе с занудой Сашей Плоткиным, а живёт в одной комнате с правильной Ириной. Наверное, Веронике надоели поборники моральных норм. Курение вожатых в лагере не поощрялось, тем более вожатых-девушек, и Вероника затягивалась с видом человека, утомлённого дурацкими упрёками. Игоря потянуло к ней, словно ему уже что-то пообещали. Он быстро направился к выходу.

– Привет, – сказал он, доставая сигареты. – Пришла на Олимпиаду?

– А разве здесь что-то ещё могут показать? – буркнула Вероника.

Однако Игорь решил продолжать в прежнем ироническом тоне.

– Каким видом спорта интересуешься? Плаванием?

Вероника явно хотела огрызнуться, но против воли фыркнула от смеха. Собственная недавняя дерзость её ничуть не смущала, а этот усатый парень, похоже, и не думал осуждать. Значит, нормальный.

– Надо же чем-нибудь заняться вечером, – призналась Вероника. – Не методички же читать.

– С развлечениями здесь туго, – согласился Игорь. – К Свистуновой я бы не пошёл телик смотреть, незачем лишний раз на глаза попадаться. Спасибо Серпу, что пустил к себе. Хороший он старикан.

– Да, славный, – кивнула Вероника.

Разговор забуксовал.

– Даже не верится, что Серп всю историю видел, – сказал Игорь, лишь бы продолжить беседу. – На саблях с белыми рубился, на тачанках гонял...

Такое и вправду не укладывалось в голове. Серп Иваныч выглядел, так сказать, весьма современным стариком: молодежь не ругал, своего мнения не навязывал, не жаловался на здоровье, шутил, смотрел цветной телевизор. Но вот телевизор-то никак и не сочетался с будёновцами.

– Вообще-то тачанки – это не к нему, – заметила Вероника. – Я... э-э... – она замялась, – короче, я знаю людей, которые знают его, – ну, в городе, в обкоме. Так вот, они говорили, что Серп делал карьеру по линии партии. И на конях он скакал разве что только поначалу.

Значит, у Серпа Иваныча в биографии – лишь митинги и партсобрания.

– У-у!.. – разочарованно протянул Игорь. – А я-то думал, он герой...

Вероника неожиданно рассердилась.

– А герой – только тот, кто со штыком в атаку? – с вызовом спросила она. – А если человек всю жизнь вкалывал, как ишак?

Всю жизнь вкалывать – безусловно, достойно уважения. Но прожить жизнь ишаком... Нет, Игорь такого не хотел.

– Серп всего себя работе отдал! Не женился, детей не завёл – некогда было! Потому сейчас и возится с пионерами – своих-то внуков не нажил!

– Не знаю, правильно ли это, – с сомнением сказал Игорь.

– Судя по твоему виду, конечно, неправильно! – презрительно уронила Вероника, намекая на джинсы и модную стрижку Игоря.

– У тебя внешний вид тоже бывает не совсем правильный, – осторожно ответил Игорь, намекая на ночное купанье.

– Пошляк! – оскорбилась Вероника.

Она бросила сигарету, готовая уйти, но Игорь схватил её за руку.

– Да погоди ты! – примирительно сказал он. – Я же ничего обидного про Серпа Иваныча не говорю! Мне он очень нравится!

– Таких людей, как он, сейчас нету! – строптиво заявила Вероника.

– Нету, – истово подтвердил Игорь.

– Если бы ты его понимал, то сейчас не здесь бы прохлаждался, а на БАМе рельсы укладывал!

Такой аргумент всегда висел над совестью Игоря, как дамоклов меч: если ты хороший человек, то почему не участвуешь в хорошем деле?

– Ты тоже не на БАМе! – огрызнулся Игорь.

Какого фига эта девица взялась его учить?

Вероника вырвала руку и быстро пошла к домику Серпа Иваныча.

Игорь мрачно затаился, размышляя. Он хороший человек, но ему неинтересно строить железную дорогу в тайге. Было бы интересно – так пошёл бы учиться в железнодорожный техникум, а не на филфак университета. Он не лентяй и не эгоист. Не обыватель и не мещанин. Но он не хочет ни на БАМ, ни на КАМАЗ, ни на Атоммаш. Он хочет плыть на тростниковой ладье «Тигрис» и вместе с Туром Хейердалом разведывать пути древних шумеров. Хочет вместе с Кусто в «ныряющем блюде» изучать коралловые рифы. Хочет с Рейнгольдом Месснером когда-нибудь подняться на Аннапурну. Хочет раскапывать руины Мохенджо-Даро, искать Эльдорадо в джунглях Ориноко или забраться на недоступное плато Рорайма, где, конечно, вряд ли живут уцелевшие динозавры, но всё равно там Затерянный Мир. В этих желаниях нет ничего дурного. Но о них почему-то лучше помалкивать.

А Вероника... Она сама не желает жить так, как все, потому и купалась без лифчика. И рассердилась она не на Игоря, а на кого-то другого или на что-то другое. На нём, на Игоре, она просто сорвала зло. Увы, для этого ей пришлось обвинить его в том, в чём на самом деле она не винила ни его, ни себя. Какие обвинения подвернулись под руку, такие она и пустила в дело.

– Начинается! Начинается! – закричали из теремка Серпа Иваныча.

Когда Игорь вошёл, на экране мускулистый атлет в белой форме бежал по улице Москвы с олимпийским факелом в руке. Факел оставлял длинный дымный след. За атлетом тянулись две цепочки спортсменов. Медленно ехали милицейские машины с полыхающими мигалками.

На веранде перед телевизором собралось человек двадцать. Лёва Хлопов охранял место для Игоря. Иеронов, уступая место гостям, сидел в последнем ряду. Игорь протиснулся к нему. Хотелось как-то услужить старику, чтобы оправдать себя за скепсис, хотя Серп Иваныч о скепсисе и не знал.

– Садитесь на мой стул, – прошептал Игорь. – Там ближе к телику.

– У меня дальноркость, голубчик, – улыбнулся Серп. – Иди, иди.

На олимпийском стадионе гордо протрубили горнисты. По спортивным дорожкам двигалась процессия в античных одеяниях и лавровых венках; мужчины держали курящиеся блюда с благовониями, а женщины – гирлянды роз. Катились триумфальные колесницы-квадриги, вышагивали чёрные и белые кони, девушки сыпали цветочные лепестки. Потом пронесли белое олимпийское знамя с пятью кольцами, прицепили к мачте и подняли в небо. Зазвучал олимпийский гимн, знамя развернулось на ветру, полетели птицы.

Над трибунами вздымалась чаша для олимпийского огня, похожая на огромный фужер. Спортсмен с факелом побежал вверх, к чаше, и вокруг него растекалась волна синевы. Люди на трибунах рукоплескали, статисты на поле махали платками. Из чаши вырвались высокие языки пламени. Опять заметались птицы, и диктор сказал, что это пять тысяч почтовых голубей. На огромном панно под чашей с огнём появилось изображение Олимпийского Мишки. Зазвенели фанфары. А перед теликом царил благоговейная тишина.

На стадионе в Лужниках с гигантского экрана космонавты в скафандрах послали олимпийцам спортивный привет и сообщили, что видят с орбиты и Москву, и даже Грецию. Трибуны забушевали овацией. Дикторы читали величественные стихи. По зелёному полю стадиона кружили белые танцоры-спортсмены, и зрители поражались непривычной свободе мужчин и чувственности женщин. Потом поле заполнили артисты в национальных костюмах; мелькали сарафаны и бешметы, папахи и тюбетейки; гремели азиатские барабаны и были какие-то зурны; ряды артистов перестраивались, вытягиваясь дугами и свиваясь в текущие кольца хороводов. В красочном представлении не было казёнщины юбилейных концертов, и дух захватывало от разнообразия лиц и костюмов. Разнообразие таило в себе неимоверную силу державы, которая и выстраивала людей в сложнейшие фигуры.

Потом на поле высыпала куча олимпийских медвежат, они кувыркались и махали в воздухе ногами. Затем появились дети: толпа мальчиков и девочек прискакала на палочках-лошадках. Мальчики принялись прыгать и делать сальто, девочки в жёлтых платицах танцевали с куклами и раскладывались на зелёном поле звёздами подсолнухов. Юные гимнасты, ловкие и гибкие, очень точно отражали суть детства – гораздо точнее, чем пионеры со своими выпренными ритуалами; Игорь вдруг почувствовал щемящую нежность к детям – и к тем идеальным, что были на экране, и к балбесам в своём отряде. И его сердце окатила любовь к своей стране, такой могучей и огромной, часто – неповоротливой, но в глубине – всё равно тёплой и доброй.

Никто из телезрителей на веранде не видел, как с последнего места Серп Иваныч наклонился к девушке-вожатой, что сидела впереди, и, похоже, что-то ласково зашептал ей на ушко. Лицо девушки исказил испуг, потом его сменило недоумение, и, наконец, девушка, зажмурившись, тихо улыбнулась. Это выглядело так, будто старый галантный аристократ одарил трепетную мадемуазель очень приятным, но не совсем допустимым комплиментом.

Глава 11

Песни и танцы

Лёва не отступился от задуманного; он погнал своих горе-футболистов на тренировку и во второй день, и в третий. Игорь Александрович читал книжку, а Валерке скучно было сидеть и тупо глазеть на футбол.

– Горь-Саныч, можно я пойду просто гулять? – попросился он.

– Нельзя.

– Я же нормальный. Я не буду курить или бить стёкла.

– Тебя поймают, а мне будет втык.

– Я вас не выдам. Скажу, сам сбежал. Честное слово.

Игорь Александрович поломался, но всё же отпустил. Валерка подумал, что Горь-Саныч – хороший вожатый, понимающий.

Пообещав не соваться на Пионерскую аллею и Дружинную площадку, Валерка гулял по окраинам лагеря вдоль сетчатого забора. Он начинал путь у шестого корпуса, шёл по берегу Волги, сворачивал в лес и завершал маршрут перед медпунктом. Оттуда двигался обратно. Чирикали птицы, пахло смолой. В нескольких местах Валерка обнаружил глубокие подкопы под ограду. Кто их сделал? Собаки? Пионеры? Беглые Зэки? Эх, иметь бы на территории лагеря такую же землянку, как у Зэков в лесу, только невидимую, чтоб залез туда – и будто исчез. Сидеть бы там и наблюдать, но не присутствовать...

За углом медпункта находились картофельные грядки тёти Паши – пожилой медсестры. Тётя Паша не теряла рабочего времени даром и выращивала урожай. Наверное, Беглые Зэки потихоньку воровали лохматые кусты картошки – ведь надо же что-нибудь есть. Тётя Паша должна была всё знать про Зэков. Валерка спрятался за кустом, надеясь подсмотреть, как тётя Паша из окна медпункта подаёт какой-нибудь знак для тех, кто укрывается в лесу. Вот тут-то Валерку и заметила Свистуха.

– Попался, который кусался! – старшая вожатая вытолкнула его из куста. – Почему здесь шляешься? – с подозрением спросила она. – Заболел?

– Да я нечаянно... – растерялся Валерка. Откуда тут взялась Свистуха? Зачем ей приспичило переться в медпункт? Она же здоровая, как лошадь! – Я это... Я в Дружинный дом хотел идти. В кружок записаться.

– Давай со мной, – сказала Свистуха. – Я туда же.

Валерка покорно потащился за старшей пионервожатой.

– Чего любишь? – деловито поинтересовалась та. – Рисовать? Петь? В шашки играть? В настольный теннис? Или стенгазетой займёшься?

– Петь буду, – обречённо решил Валерка.

Он и вправду любил петь: считал, что поёт очень красиво, а в школьный хор его не взяли, потому что руководительница хора – глупая корова.

– Значит, в музыкальный кружок, – постановила Свистуха. – У нас все должны в чём-нибудь участвовать. А кто не все – того накажем.

Музыкальный кружок занимался в зале, где по вечерам показывали кино. Кружковцы не только пели, но ещё и танцевали, поэтому им требовалось место. Сейчас на скамейках вроссыпь сидели девочки – с десятков, наверное, и два тихих, ничем не примечательных мальчика. Под скамейками лежали цветастые полиэтиленовые пакеты девочек.

– Вот вам новый певец, – объявила Свистуха. – Как зовут?

– Валера.

– А где Вероника Генриховна?

– Она в эту, в радиорубку пошла. За этой, за фонограммой.

– Ладно, заливайтесь, соловьи, – сказала Свистуха и убралась из зала.

Среди девочек была и Анастасийка Сергушина. При виде Валерки она скептически сморщилась:

– Ты же не умеешь петь, Лагунов. У тебя голоса нет.

– Ты сама не умеешь! – рассердился Валерка. – Это у тебя голоса нет!

– У меня альт, – с превосходством ответила Анастасийка.

В зал, пересмеиваясь, свободно, как в свою квартиру, вошли ещё две девочки. Валерка их знал: спортсменка Жанка Шалаева из второго отряда и её подруга Оля – резкая и опасная дылда по прозвищу Лёлик. Обе они уже были здесь, в зале, но отлучились, когда Свистуха привела Валерку.

– Во! – громко сказала Жанка, оставив рот открытым на звуке «о».

Валерка понял, что Жанка показывает девочкам покрашенные губы.

Девочки смотрели с восхищением, только Анастасийка хмыкнула.

– А снизу немножко размазалось, – сказала одна из девочек.

– Подтери, – тотчас велела ей Жанка.

Девочка наслюнявила палец и стёрла помаду у Жанки в углу рта.

– В тубзике зеркало фиговое, – пояснила Жанка. – Не видно нифига.

Валерка понял, что Жанка бегала в туалет краситься.

– Дашь мне тоже? – заискивающе спросила девочка, которая поправляла Жанке разъехавшуюся помаду.

– После Лёлика.

– А мне? – спросила другая девочка.

– Рука в говне, – отрезала Жанка.

Она привыкла быть в центре внимания. Дворовая звезда, улыбчивая, общительная и наглая, Жанка нравилась плохим мальчикам, а потому жила вольно, как ветер, и купалась в безнаказанности.

– Общей помадой пользоваться негигиенично, – сказала Анастасийка.

– Тебе никто и не даёт, Сергушина.

– У меня и так есть.

– У мамки скоммуниздила? – свысока усмехнулась Жанка.

– Я чужого ничего никогда не беру, Шалаева, – с достоинством ответила Анастасийка. – У меня у самой всё своё.

– Чё, и цепка своя? – не поверила Жанка, указывая на тонкую золотую цепочку на шее Анастасийки.

– На ней крест! – заржала Лёлик, будто крестик означал что-то позорное.

– Мне бабушка подарила, – Анастасийка благоговейно положила ладонь на грудь. – Она меня в детстве крестила. Креститься не запрещено.

Жанке было плевать, запрещено или нет. Её оскорбило то, что у этой козлихи есть такая дорогая и любопытная вещь.

– Я Бекле скажу, он у тебя снимет, – пообещала Жанка.

Бекля был прославленным хулиганом. Как он попал в лагерь – загадка.

– Не снимет, – уверенно возразила Анастасийка.

– Снимет-снимет, я знаю.

– Не знаешь.

– Я вообще всё знаю! – Жанка плюхнулась на лавочку. – Хочешь, отгадаю, что ты скажешь в первую брачную ночь?

– Не хочу, – ответила Анастасийка.

– Я хочу! – сказала та девочка, которая не получила помаду.

– Закрой глаза, дай руку, – распорядилась Жанка. – Я буду колдовать.

Девочка закрыла глаза и протянула Жанке раскрытую ладонь. Жанка дунула в неё и принялась производить над ладонью какие-то пассы, будто бросала щепотями невидимую соль.

– Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь!

Жанка хитро посмотрела на всех, приглашая посмеяться над дурой, и пощекотала ладонь девочки ногтем. Лёлик злорадно заулыбалась.

– Ну, кончай! – взмолилась испытываемая девочка, ёжась от щекотки.

– Вот это и скажешь! – торжествующе объявила Жанка.

Другие девочки угодливо захихикали.

Довольная собою, Жанка наконец-то заметила Валерку.

– А ты что, новенький? Из какой школы?

Таких, как Жанка, почему-то все сразу знали, а таких, как Валерка, увы, никто никогда не знал. И собственного имени – по мнению Жанки – Валерке не полагалось. Достаточно номера школы.

– Не из твоей, – буркнул Валерка.

– Борзеешь, очкарик? – с готовностью напряглась Оля-Лёлик.

– В моей школе таких чмошников нет, – подтвердила Жанка.

Снова заскрипела дверь в зал – это вернулась Вероника Генриховна. Она несла большой квадратный конверт казённого зелёного цвета. В конверте, без сомнения, находилась пластинка. Девчонки тотчас переключились.

– Вника Греховна, Вника Греховна! – загомонили они. – У нас новый!

– Ну и хорошо, – Вероника Генриховна быстро оглядела Валерку. – Если ему понравится, то запишем в коллектив.

Валерка уже не раз видел эту Веронику Генриховну. Она была вожатой в третьем отряде. И Валерке она почему-то не очень-то нравилась. Было в ней что-то такое же, как в Жанке Шалаевой, вот.

– Для каких песен у нас есть музыка? – спросила Анастасийка.

Вероника Генриховна перевернула конверт и зачитала:

– Пионерские песни «Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”», «Орлята учатся летать», «Пусть всегда будет солнце», «С чего начинается Родина». Детские песни: «Картошка», «Голубой вагон», «Чунга-Чанга», «Когда мои друзья со мной», «Бременские музыканты», «Колыбельная». Выбирайте, какую песню будем репетировать.

Девчонки дружно полезли под скамейки в пакеты и достали песенники. Сделанные из общих тетрадей, песенники были произведениями искусства: тексты написаны цветными ручками, а названия – фломастерами, на всех страницах аккуратно наклеены фотки и картинки по теме. Песню про любовь иллюстрировали цветы, про море – корабли, про дружбу – парочка малышей, что держатся за руки. После каждой песни было начертано «Конец!».

– Надо «Орлят»! – безапелляционно заявила Анастасийка.

– Почему? – удивилась Вероника Генриховна.

– У меня альт, я буду солировать. А остальные – хор.

Анастасийка не сомневалась, что все должны служить ей во славу.

– Соляра... что? – не поняла Жанка.

– Со-ли-ро-вать, – повторила Анастасийка. – Значит, петь сама.

Анастасийка встала, откашлялась и звонко пропела:

– «Но жизнь не зря-а-а зовут борьбой, и рано нам тру-бить отбой-бой-бой!.. А-ар-лята учатся ле-тать!»

Это было так здорово, что Валерку даже продрал озноб. В тоненькой Анастасийке вдруг сверкнуло что-то серебряное, высокое и пронзительное.

– Ну, ты обурела, Сергушина! – разозлилась Жанка.

Конечно, Жанке так не спеть, хоть лопни.

– Я в музыкальной школе и в городском хоре пять лет занимаюсь! – гордо сообщила Анастасийка. – Надо использовать мои способности.

– Да нифига! – Жанка яростно пнула по ножке соседней лавочки. – Надо спеть «Чунга-Чангу»! Мы на прошлом Новом годе её пели, да, Лёлик? Иди сюда, покажем им!

Жанка и Лёлик встали перед девочками и посмотрели друг на друга.

– Три, четыре! – скомандовала Жанка. – «Наше ща-астье па-стоянно – жуй ка-коссы, ешь баннаны, жуй ка-коссы, ешь баннаны, Чунга-Ча-анга!»

Жанка и Лёлик спели и станцевали – обе в лад и необыкновенно мило: приставив к голове растопыренные ладошки вроде ушей, они изобразили обезьянок, весело изгибаясь и приседая. Валерка не мог поверить, что перед ним – дворовые разбойницы, умеющие подбить глаз или обозвать так, что соперники теряли дар

речи. Впрочем, в движениях Жанки и Лёлика, слишком детских для девочек, которые почти превратились в девушек, таилось и нечто странно непристойное. Жанка и Лёлик подцепили это, конечно, не в школе.

– Можно шапки такие сшить круглые, – глядя на Веронику Генриховну, сказала Жанка, – щёки покрасить и хвосты сделать. Ваще мартышки будем.

Жанку не волновало мнение других девочек, не говоря уж о незаметных мальчиках. Впрочем, девочки не возражали. И Валерка тоже не возражал, хотя ему больше нравилась песня о крейсере – она про войну, а не про обезьян. Но Жанка с Анастасийкой без колебаний решали за всех.

Вероника Генриховна отлично уловила лёгкий любодейский оттенок танца. Валерка догадался об этом по неожиданно ожесточившемуся лицу вожатки. Но отреагировала она совсем не так, как отреагировали бы учителя.

– Пионерских песен нам достаточно, – с холодком сказала девочкам Вероника Генриховна. – Так что будем репетировать «Чунга-Чунгу».

– Схавала, Сергушина? – победно спросила Жанка.

Анастасийка надменно отвернулась.

А Валерке показалось, что Греховна в чём-то родственна Горь-Санычу. Уступая желанию подопечных, оба они нарушали правила. Но Горь-Саныч уступал Лёве, потому что в правилах ему было скучно, а Греховна уступала Жанке, потому что в правилах ей было тесно. Впрочем, Валерка твёрдо решил, что с кружком Греховны он связываться не станет. Он не хочет плясать и петь с мартышками. И Анастасийка ему нравилась больше Жанки.

Глава 12

Мертвец в пианино

– Игорь, а где у тебя Хлопов? – спросила Ирина.

– Где? – глупо переспросил Игорь.

Они стояли на пустой веранде. Ирина сквозь очки сверлила Игоря гневным взглядом. «Свечка» закончилась, пионеры ушли в палаты.

– Девочки мне сказали, что утром он плохо себя чувствовал. А после полдника его никто не видел. Он был на ужине?

Игорь не знал. Он уже привык и к работе вожатого, и к своему отряду, и не пересчитывал пацанов по головам, не проверял по списку.

– Лишней порции в столовке не оставалось, – осторожно заметил Игорь.

– Её Гельбич съел. А Хлопов куда-то пропал. Это че-пэ!

– Я пойду искать, – сразу сказал Игорь.

– Давно пора! Я подожду здесь, пока всё не прояснится!

Игорь вышел на улицу. Солнце уже село, но закат за Волгой не успел угаснуть, и было светло. На Пионерской аллее фонари ещё не горели. В густо-синем небе инфракрасным теплом лучились лохматые кроны сосен.

Странно, куда подевался Лёва? Он был хорошим мальчиком: такие не убегают из дома, не связываются с дурной компанией и не имеют приводов в милицию. Может, Лёва серьёзно заболел, и его положили в медпункт? Но доктор Носатов сообщил бы об этом... Или же Лёва сидит у Серпа Иваныча с вожатыми и смотрит по телику «Дневник Олимпиады»?.. Игорь поглядел на дачу Иеронова, которая высилась вдали за кустами. В окнах первого этажа мелькали отблески телеэкрана. Нет, другие вожатые прогнали бы Лёву.

Игорь топтался на аллее, решая, куда направиться, и заметил шевеление в акации за большим стендом с лозунгом «Твори! Выдумывай! Пробуй!».

– Хлопов! – тотчас наугад окликнул Игорь.

Из-за стенда нехотя выбрался Лёва и принялся отряхиваться.

– Ты где был? – строго спросил Игорь.

– Там... – уклончиво ответил Лёва. – Олимпиаду показывали...

Он явно врал и потому прятал глаза. Настоящий учитель наверняка вцепился бы в Лёву и вытряхнул из него всю правду, но Игорь пожалел пацана. Мало ли какая мальчишечья необходимость заставила его исчезнуть? Может, он строил себе штаб – детское укрытие где-нибудь в лесу за оградой. Или на спор таскался к развалинам церквушки у берега Рейки: эти развалины в «Буревестнике» считались местом очень зловещим и очень опасным, и там пацаны проверяли свою храбрость. А может, Лёву просто кто-то обидел, и он убежал плакать, чтобы никто не стал свидетелем его слабости.

– Тебя все обыскались, – осуждающе сказал Игорь. – Пошли в корпус.

На крыльце на Лёву набросилась Ирина.

– Хочешь, чтобы тебя из лагеря выгнали, Хлопов?! – прошипела она. – Ты чего себе позволяешь?! Ты где был?!

– Ладно, Ирина Михайловна, не ругайте его, – Игорь попытался утихомирить вожатку. – Он у Серпа Иваныча задержался.

– Нельзя детям потакать, Игорь Александрович! – отрубила Ирина. – А этому Иеронову я объясню, во сколько телик выключать надо!

– Я сам объясню, – поморщился Игорь.

Он подтолкнул Лёву вперёд и мельком удивился, какое у Лёвы холодное и твёрдое плечо. И спина у него была сплошь замусорена хвойными иголками и травяной трухой, точно Лёва валялся на земле в лесу.

Игорь с облегчением водворил Лёву в палату.

Пацаны, понятное дело, ещё не спали. Валерка соорудил себе «домик» от комаров: стыбзил у вожатки горсть канцелярских кнопок и прикрепил к стене край своей простыни, натянутой, как крыша, на обе спинки кровати. К спинкам простынь была привязана тесёмками из бинта. Половина простыни пологом закрывала «домик» сбоку. В «домике» было уютно, будто на верхней полке в вагоне. Пацаны иззавидовались и тоже принялись мастерить себе «домики», правда, ни у кого не получалось так ловко, как у Валерки.

– Очкастый себе самую удобную койку захамил! – сказал Титяпкин.

Валерка откинул полог.

– Щас за «очкастого» в пачу втащу, Титька! – предупредил он.

– Сам не обзывайся! – обиженно ответил Титяпкин.

Лёва молча и отчуждённо прошёл к своей койке.

– Ты куда смылся? – спросил его Гурька. – Из лагеря сбежать хотел? Чё меня-то не позвал?

Лёва странно закашлялся, словно отвык говорить.

– Я Олимпиаду смотрел, – хрипло сказал он.

Олимпиада в палате мало кого интересовала, а вот страшные истории интересовали всех. Наступило время страшных историй.

– Горох, считай! – распорядился Славик Мухин.

– Со вто-ро-го эта-жа поле-тели два ножа, – начал считать Колька. – Красный, синий, го-лу-бой, вы-бирай се-бе лю-бой! Домря, выбирай!

– Красный, – выбрал Серёжа Домрачев.

Горохов снова прочитал считалку, начиная с Серёжи, и рассказывать историю выпало Гурьке. Пацаны замерли. Гурька сел на койке по-турецки.

– Короче, одна бабка купила чёрный платок и положила на кухне. Мать пришла с работы, пошла на кухню, а платок такой подлетел к ней, закричал: «Дай крови!» – и задушил. Потом отец пришёл с работы, пошёл на кухню, а платок подлетел к нему, закричал: «Дай крови!» – и задушил. Потом старший брат пришёл, видит такой – в кухне все валяются, побежал к ним, а чёрный платок закричал: «Дай крови!» – и тоже задушил. Потом пришёл младший брат, видит: все мёртвые, и платок по кухне летает. Брат испугался, побежал в комнату к бабке, говорит: «Чё делать?» Бабка такая говорит: «Отруби себе руку и сожги!» Младший брат отрубил себе руку, сжёг – и платок сгорел!

Пацаны полежали, потихоньку осваиваясь с ужасом.

– Горох, считай!

Колька снова посчитал, и выпало Юрику Тонких.

– В одной семье жили папа, мама и дочка, – заговорил Юрик. – Папа и мама хотели, чтобы дочка играла на пианино. Они пошли в магазин, а там только чёрные пианины. Продавщица говорит: «Не покупайте!», а они всё равно купили. На следующий день дочка стала играть. Играла-играла, мама говорит: «Хватит играть на чёрном пианино!», а она не может остановиться. Потом остановилась, а мама лежит на полу мёртвая. «Скорая» приехала, говорит: «А у неё крови больше нет!». На следующий день дочка снова села играть. Играла-играла, папа говорит: «Хватит играть на чёрном пианино!», а она опять не может остановиться. Потом остановилась, а папа лежит на полу мёртвый. «Скорая» приехала, говорит: «У него тоже крови нет!». Дочка побежала в магазин, говорит там продавщице: «Заберите пианину!» А продавщица говорит: «Купи топор!» Дочка купила топор, пришла домой и стала рубить пианину, а оттуда ручей крови потёк! Дочка разрубила пианину до конца, а там мертвец лежит! Это он всю кровь пил!

Юрик печально замолчал. Пацаны тоже молчали. В тишине гнусаво зудели комары. Валерке от страха стало совсем невмоготу. Всё, блин, хватит играть на чёрном пианино!

– Пацы, не надо больше, – сказал Валерка.

– Очкуешь? – злорадно спросил Гурька.

– А сам не очкуешь, да?

– Ладно, завтра ещё будем рассказывать, – за всех решил Горохов. – Я про Автобус-Мясорубку знаю. А щас отбой, пацы!

Валерка закинул полог своего «домика», вытянулся и зажмурился, чтобы поскорее заснуть и не бояться. Успокаивая себя, он думал о причинах ужаса. Ужас – от первобытной обезьяны. Обезьяна всего боялась, поэтому взяла палку, обточила камень и разожгла костёр: в общем, стала человеком, чтобы не бояться. И человеческий мир не содержит в себе страха. Пускай этот мир порой скучный или дурацкий, но всё равно не страшный. Конечно, даже в нём случаются страшные вещи: люди попадают под машину, болеют неизлечимыми болезнями или садятся в тюрьму. Но это от неправильного поведения. Дураки идут на красный светофор, пьют и курят, воруют. Короче, покупают чёрное пианино. Живи правильно – и страха не будет.

Он, Валерка, живёт правильно – однако страх есть, и ещё какой! Кто же виноват? Обезьяна? Неправильные люди? Нет, не они, ведь мертвец забрался в пианино сам! Никто не может объяснить, откуда страх!

Похоже, все пацаны уже заснули, но Валерка вдруг услышал тихий проволочный звяк панцирной сетки, шелест белья и лёгкое шлёпанье босых ног о половицы. Кто-то поплёлся в туалет?.. Но дверь не скрипнула. Зато донеслось какое-то странное чмокание, от которого у Валерки по рукам пополз холод. В этом полуночном чмокании Валерке почудилось сразу и безумное наслаждение, и невыносимая жуть.

Валерка немного отодвинул полог и глянул в щёлочку. Половину палаты затопила тень. Сквозь большое окно были видны сосны, озарённые синим фонарём, – какие-то сейчас тайные в своей сути, словно опоры деревянного моста, когда смотришь на них, проплывая по реке. На дальней стене лежали полосы белого света. Славик Мухин спал на спине, выпростав левую руку, будто в больнице под капельницей. А перед койкой Славика на коленях стоял Лёва – стоял на коленях и, согнувшись, целовал Славику сгиб руки. Лёва

пошевельнулся, распрямился, и Валерка едва не умер: у Лёвы блестели мокрые чёрные губы. Вернее, конечно, не чёрные, а красные. Лёва пил кровь.

Валерка не мог оторваться от этого безумного зрелища. Лёва блаженно замер, точно прислушивался к своим ощущениям, а потом снова наклонился и припал ртом к руке Славика. Валерка опять услышал чмокание.

«Я сплю! – сказал себе Валерка. – Я наслушался страшных историй, вот мне и снятся кошмары!..» А Лёва снова распрямился, будто переводил дух. Лицо его в тени было почти неразличимым, но в тёмных глазницах едва заметно дрожал багровый блеск. Валерка торопливо задёрнул полог.

Он лежал, весь сжавшись, и убеждал себя, что Лёва его не заметил, и вообще он всё себе сам напридумывал. В палате было тихо. Никто не сопел и не бормотал – будто на торжественной линейке, когда выносят знамя. А потом лёгкие шлепки босых ног раздались рядом с кроватью Валерки, и на пологе «домика», синем от света фонаря, обрисовался силуэт Лёвы. Лёва присел на корточки возле кровати. Сквозь полог поплыл шёпот:

– Лагунов,пусти меня в «домик».

Валерку от Лёвы отделяло только тонкое полотно застиранной казённой простыни. Тонкое полотно – и значение «домика», своего дома.

– Лагунов,пригласи меня, – просил Лёва. – Я твой друг...

Валерка молчал. На синем полотне появились чёрные ладони. Лёва невесомо касался простыни, оглаживая полог, точно лаской хотел добиться разрешения войти в чужой дом.

– Тебе же будет лучше, Лагунов, – шептал Лёва. – Этого все хотят, только сами не знают...

Валерка молчал. Где-то вдали на Волге загудел теплоход.

Лёва ещё посидел возле Валерки, а потом поднялся. Шлепки босых ног удалились к окошку – туда, где находилась кровать Лёвы. Звякнула сетка.

Валерка лежал, глядя в полог вытаращенными глазами. Нет, это был сон. Это был сон. Утром заиграет горнист, и морок развеется без следа!

Часть вторая

Смех вампира

Но в крови горячечной подымались мы,

Но глаза незрячие открывали мы.

Э. Багрицкий, «Нас водила молодость». 1932 г.

Глава 1

Утро после кошмара

Утро выдалось таким безмятежным, что в ночной кошмар невозможно было поверить. Валерка не сразу и вспомнил о нём. Зевая, он сидел на своей койке и глядел в окно. На улице плавала голубая рассветная дымка, и в ней среди вертикалей сосновых стволов рассеивались косые лучи восходящего солнца. В палате суетились пацаны в трусах и майках: бренчали вещами в тумбочках, ругались, заправляли постели, натягивали штаны. Из коридора доносился занудный призыв Ирины Михайловны:

– Умываться, чистить зубы! Умываться, чистить зубы!..

Кошмар медленно восстановился в памяти Валерки и неохотно развернулся во всех подробностях. По спине у Валерки побежали мурашки. Неужели ночью он видел, как Лёва пьёт кровь? Нет, это был сон, а не явь!..

Славик Мухин, как всегда чем-то недовольный, ожесточённо расчёсывал руку – то место, куда в кошмаре впивался Лёва. На руке краснели пятна комариных укусов. Лёва тоже сидел на койке. Он был разлохмачен и печален. Он зачем-то повязал пионерский галстук, хотя в лагере, в отличие от школы, галстук требовали надевать только на торжественные мероприятия.

– Нафиг ты весь напионерился? – удивился Гурька.

Лёва тяжело вздохнул.

– Вы, пацы, плохо в футбол играете, потому что не слушаетесь меня, – сообщил он. – Руслан Максимыч смотрел нас вчера и сказал Игорю Санычу, что надо капитана сменить. Гельбича назначить, он же знаменосец отряда.

Пацаны дружно взвыли, возмущённые не столько низложением Лёвы, сколько попранием достоинства своей палаты.

– Да мы Гельбастому этот флаг в жопу запинаем! – пообещал Гурька.

Лёву это не порадовало. Он сидел, устало уронив руки, и в его позе читалась обречённость. Венька Гельбич – человек высокопоставленный, а Лёва Хлопов – кто он? Простой труженик футбольного поля.

– Я не сдамся, – сурово пообещал Лёва. – Гельбич не хочет знаменосцем быть, не ценит чести. А я буду как настоящий пионер. Может, тогда Игорь Саныч передумает про Гельбича. Пацы, есть у кого пионерский значок? А то я свой дома забыл. Дайте поносить, пожалуйста.

– У Титяпы есть, – тотчас выдал Гурька.

– Нету у меня! – завертелся Титяпкин.

– Есть! Ты его Бекле на бритвочку хотел поменять!

Если честно, пионерский значок даже в лагере не имел особой ценности. Иголки, бельевые резинки, спички, гильзы, стержни от ручек, мотки цветной проволоки, магниты из электромоторчиков – это были богатства, не говоря уж о таких

сокровищах, как ножик, лупа или олимпийский рубль. Обмен значка на бритвочку был выгодной сделкой, и Титяпу можно было понять.

– Он сказал «пожалуйста»! – закричал Титяпкину Колька Горохов. – Волшебное слово! Обязан исполнять!

– Я же твой друг, – Лёва посмотрел Титяпкину в бегающие глаза.

– Чё сразу друг-то? – обиделся почти сломленный Титяпкин.

– У меня есть значок, – тихо сказал Лёве Юрик Тонких. – Я тебе дам.

Юрик полез в свою тумбочку.

В расписании дня это время было снабжено стихами: «Убери постель, умойся, на зарядку быстро стройся!». Общая умывалка находилась на улице: два ряда жестяных раковин и две трубы с кранами – для мальчиков и для девочек. Вода была только холодная. Под строгим взглядом Игоря Саныча мальчишки чистили зубы, тёрли физиономии и сверлили пальцами в ушах.

– Пацы, угадайте загадку! – сплёвывая зубную пасту, предложил Лёха Цыбастов. – Волосатая головка за щекой летает ловко – чё это?

– Отвали! – сердито ответили Цыбастышу. – И так все знают!

Умывание, конечно, взбодрило, но ещё больше взбодрила зарядка. По лагерной трансляции играла энергичная гимнастическая музыка, и диктор красивым голосом говорил: «Руки на поясе, ноги на ширине плеч. И-и-и раз, и-и-и два! И-и-и раз, и-и-и два!» Ирина Михайловна на зарядку не являлась – все понимали, что она стесняется своих толстых титок, прыгающих при упражнениях, – и зарядку проводил Игорь Саныч. В его модном, но слегка одичавшем причесе торчало перо из подушки. Зарядку пионеры делали под соснами у корпуса. Мимо по аллее пронеслась Свистуха; под мышкой у неё торчало свёрнутое знамя, которое должны поднять на утренней линейке.

– Чего такие сонные? – задорно крикнула Свистуха.

Потом отряд построился парами – девочки впереди, мальчики позади, – и Ирина Михайловна возглавила шествие на линейку.

– Речёвку... начи... най! – скомандовала она.

– Мы шагаем дружным строем! – в такт шагам привычно заорали все. – Мы весёлые герои! Потому что наш отряд побеждает всех подряд!

А Гурька и Титяпкин в лад с общей речёвкой орали собственную:

– Шли какашки по дороге, увидели чьи-то ноги, убежали в тубзалет – жопа есть, бумаги нет!

Пацаны ухмылялись. Забавно было, что Гурька с Титяпой вопят такие хулиганские слова во весь голос – а вожатые даже не слышат, как тупари.

На линейке Валерка смотрел, как в небо поднимается красный флаг, и почему-то снова вспомнил ночной кошмар про Лёву-кровопийцу. Наверное, потому что красный флаг – цвета крови. Но эта кровь, кровь борцов, пролита за счастье людей. Под таким флагом не может случиться ничего плохого.

После утренней линейки отряд отправился на завтрак.

– Пацы, давайте Гельбича накалывать, – шагая в строю, предложил неугомонный Гурька. – Фиг ли его на футболе капитаном сделают?

Лёва принял смурной вид человека, наказанного незаслуженно.

– Давайте! – обрадовался Горохов и тотчас позвал: – Эй, Гельбич!

– Чего? – обернулся Венька.

– Ничего! – радостно объявил Колька. – Проверка слуха!

– Гельбич, у тебя какой рост? – спросил Титяпкин.

– Метр шисят, – гордо ответил Гельбич.

– Хорошая палка говно мешать!

– Соси банан! – сердито ответил Гельбич.

Пацаны заржали – даже Валерка и Юрик Тонких. Не смеялись только Славик Мухин, который с подъёма был мрачный, и Лёва.

– Не надо, пацы, – поморщился Лёва, поправляя галстук. – Нехорошо.

– Венька, скажи «клей»! – не успокоился Гурька.

– Зачем? – Гельбич заподозрил подвох.

– Ну, скажи, тебе жалко, что ли?

– Ну, «клей».

– Выпей баночку соплей! – заявил Гурька и рассыпался в хохоте.

– Заманали уже тапками шлёпать! – разозлился Гельбич.

– Гельбич, Гельбич! – снова позвал Колька Горохов.

Венька неприступно молчал.

– Ну, Гельбич, отзовись, я не буду издеваться!

– Чего? – нехотя отозвался Венька.

– Ничего! – возликовал Колька. – Опять проверка слуха!

– Разговорчики в строю! – услышав сомнительный смех, пресекла забаву Ирина Михайловна. – Речёвку... начи... най! Раз-два!..

– Раз-два, мы не ели! – с воодушевлением подхватил отряд. – Три-четыре, есть хотим! Открывайте шире двери! А то повара съедем!

Ирина Михайловна остановила отряд возле пищеблока и велела:

– Сергушина, ну-ка проверь, чистые ли руки у мальчиков.

У входа в столовку вертелись собаки, прибежавшие в лагерь из деревни Первомайской. Все мальчишки и девчонки знали собак в лицо и по именам: Черныш, Долька, Мухтар, Бамбук, Вафля, Жуся и Фидель. В лагере собаки меняли зверский деревенский нрав на восторженный пионерский.

В столовке пахло хлебом, хлоркой и чем-то варёным. Сквозь окна с решётками било яркое солнце, стаканы блистали. С плакатов посетителям улыбались чистые и воспитанные пионеры. Отряды заходили в большой зал по очереди и рассаживались за длинные ряды составленных вместе столов: мальчики с одной стороны, девочки – с другой. Бренчали стулья, стучали по тарелкам алюминиевые ложки, с кухни доносился звон бачков и шум воды.

На завтрак давали манную кашу и кисель. Пацы сразу расхватывали с подносов хлеб: можно съесть днём, можно покормить собак.

– Вечно всякую дрянь дают! – проворчал Гельбич, рассматривая тарелку. – В этой каше котят топить надо, чтоб не мучились!

– Я тоже не люблю манку, – виновато признался Юрик Тонких.

– А я люблю! – заявил Титяпкин и придвинул его тарелку себе.

– Манку здесь ещё можно есть, – Серёжа Домрачев помрачнел. – А суп опасно. В нём собачье мясо. Его бабка Нюрка ложит.

– А нормальное ворует?

– Нормальное она в лес Беглым Зэкам ночью носит. Мне в прошлую смену старшаки рассказывали.

– В столовках всегда воруют, – авторитетно сообщил Колька Горохов.

– Знаете, почему бабка Нюрка такая косая? – Серёжа обвёл всех тёмным, тревожным взглядом.

Баба Нюра и вправду была странная. Она подволакивала ногу, левая рука у неё торчала немного в сторону, левая половина лица была искажена параличом и не двигалась. И ещё она слегка заикалась. Но при этом баба Нюра была тёткой по-крестьянски крепкой, а совсем не бабкой-старухой.

– Старшаки рассказывали, что один раз она пришла к Зэкам, а Зэки сами мясо жарят. Говорят ей: ешь с нами. Она поела. А потом узнала, что они людоеды. Её всю сразу искорячило.

Пацы поёжились.

– Меня бы тоже искорячило, – Гурька ожесточённо почесался.

– Она теперь без людоедства не может, – печально добавил Серёжа. – Если слышит, что где-то кто-то пропал, берёт собаку, бежит к Зэкам и меняет псинятину на человеческое мясо.

– Её в тюрьму посадить надо! – возмутился Юрик.

– За что? – Серёжа вздохнул от безысходности. – Она сама-то лично не убивает. Но смотрит на всех – кто жирный, и Зэкам доносит. А они убивают.

Пацы повернулись в сторону кухонного окна. Баба Нюра стояла за большим столом и принимала грязную посуду: объедки ловко сгребала в бак, тарелки складывала в стопы, ложки швыряла в жестяное корыто.

– Давайте ей мстить! – горячо предложил Гурька.

– Всяко надо! – согласились Титяпкин с Гороховым.

– Не надо! – негромко возразил Лёва.

Славик Мухин робко поёжился, почесав место укуса на руке, а пацы не обратили внимания на Лёвин запрет.

Титяпич быстро сметал вторую порцию, и пацы дружно встали, чтобы отнести тарелки бабе Нюре. Пионеры на плакатах, что висели в простенках, словно бы нахмурились. Девочка с мочалкой и блюдом глядела осуждающе, а мальчик, чистивший картошку, с угрозой стиснул нож.

– Вы ложки бросайте в бак, где объедки, – заговорщицки прошептал Гурька. – Пусть потом туда руки суёт!

Он первым приблизился к столу бабы Нюры, поставил тарелку и стакан и словно бы по ошибке бросил ложку в эмалированный бак с бурой манной гущей, перемешанной с киселём; в этой жиже плавали хлебные корки. Баба Нюра метнула на Гурьку свирепый взгляд. А вслед за Гурькой ложку в бак бросил Серёжа Домрачев. Он не выдержал и посмотрел на бабу Нюру.

– Ку... ку... – возмущённо завохтала, заикаясь, баба Нюра.

– Не надо так! – твёрдо сказал пацанам Лёва.

Валерка и не собирался пакостить. А Юрик, наверное, и не решился бы. Славик Мухин молча пристроил свою тарелку среди грязной посуды на столе и отошёл. Но Колька Горохов всё равно бросил ложку в бак с объедками.

– Ку-уда? – грубо заорала баба Нюра.

Титяпкин держал в одной руке тарелку со стаканом, а в другой – ложку. Баба Нюра прожгла его взглядом и сразу всё поняла. Титяпкин сунул тарелку в грудку посуды, а баба Нюра, не дожидаясь преступления, неведомо откуда вдруг выхватила мокрое, грязное, тяжёлое полотенце.

– Беги, Титяра! – издалека отчаянно завопил Гурька.

Стискивая в кулаке алюминиевую ложку, Титяпкин застыл от ужаса. Баба Нюра прямо через стол с размаха смачно шлёпнула его полотенцем точно по круглой голове. Грязная вода брызнула во все стороны, будто башка у Титяпкина

взорвалась. Титяпкин, изумлённо охнув, присел, а потом опрометью стреканул прочь от стола бабы Нюры.

Глава 2

«Альберту по мольберту»

Для моральной поддержки Валерке хотелось иметь с собой товарища, но не Титяпкина же звать, не Горохова, – они оба безмозглые.

– Юрик, пошли со мной в кружок, а? – предложил Валерка.

– В какой? – вскинулся Юрик.

Ему тоже было скучно на футболе Лёвы Хлопова. Там его не ценили.

– Не знаю. Много разных. Выберем какой-нибудь.

После «трудового десанта» Валерка и Юрик отпросились у вожатых и отправились в Дружинный дом. Валерка вспоминал перечень кружков.

– Есть пение, рисование, шахматы, мягкая игрушка... Есть, где письма пишут иностранцам. Может, ещё чё-то, только я забыл.

– Дома я авиамодельную секцию посещал, – признался Юрик.

Валерка глянул на него с одобрением. Хорошо, что не кройку и шитьё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksey-ivanov/pischeblok>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)